

Т. Шамета

ДЕРЕАЛИЗАЦИЯ

ПОТЕРЯННЫЙ В САДУ ВЕЧНОСТИ

Т. Шамета

Дереализация. Потерянный в саду вечности

<https://litres.ru/74539523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Несовершенные боги, поиск себя, метаморфозы... Пылающий сад и странные лиминальные пространства. Библиотека Вечности, осознанные сновидения и комнаты памяти. Души, запертые на Земле, и экзистенциальный ужас распадающихся миров. Наука и мистика, природа реальности, альтернативная эволюция. Не просто сюжет – новое видение Вселенной, богов и человеческой истории.

Тени преследуют Нейла во снах – осколок памяти возрастом в восемьсот миллионов лет. Земля – полигон эксперимента пришельцев. В поисках вечной жизни они создали матрицы самих себя и оставили их здесь. Но семь вечных существ подарили матрицам духовную искру, им не предназначенную.

А он был там, видел всё. Запертый в цикле человеческих жизней, в лабиринтах времени, преследуемый образом потерянной спутницы, Нейл пытается собрать мозаику своей истории и исправить древнюю ошибку.

Метафизический триллер, философская визионерская фантастика, онейрическая одиссея. Второй роман трилогии может читаться и как отдельное произведение.

Содержание

О КНИГЕ	5
Пролог	9
1. Освобожденный, живой, вечный...	11
2. Место для неземного отдыха	23
3. Амброзия, поднимающая на ноги обессиленного бога	29
4. Светоподобные в ловушке зеркального резонатора	37
5. Огненный сад на окраине земных сфер	45
6. Паранойяльная озабоченность	53
7. Нетканая ткань времени	66
8. Астронавт древности, путешествие в зазеркалье	76
9. Чужое счастье непреемлемо	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дереализация. Потерянный в саду вечности

О КНИГЕ

Т. Шамета

Дереализация

Потерянный в саду вечности

Посвящается Сальваторе, Юлии, Антонине, Виктору К, Алексею, Евгении, Елизавете, Николаю, Виктору Ш. и другим моим близким и друзьям . Благодарность Павлу .

Т.Шамета

«Дереализация. Потерянный в саду вечности»

Если вы читаете эти строки, значит, мы вместе путешествуем за пределами обыденной реальности: этот путь сегодня лишь немногие решаются пройти.

«Дереализация. Потерянный в саду вечности» – метафизическая научная фантастика, спекулятивная проза с элементами альтернативной эволюции и визионерский роман-поиск. Второй роман трилогии, объединенной общей темой и персонажами. Каждая часть имеет самостоятельное завершение и может считаться отдельным произведением. В ту же серию входят: 1. «Абстрагированный. Вечный Сад» 3. «Вечный дереализованный – Сад абстракции». (Все три книги трилогии «Abstractio – Giardino eterno» официально опубликованы в бумажном и электронном форматах на итальянском языке в 2025-2026 гг.)

Оглавление:

Пролог

- 1. Освобожденный, живой, вечный...**
- 2. Место для неземного отдыха**
- 3. Амброзия, поднимающая на ноги обессиленного бога**
- 4. Светоподобные в ловушке зеркального резонатора**
- 5. Огненный сад на окраине земных сфер**

6. Паранойяльная озабоченность
7. Нетканая ткань времени
8. Астронавт древности, путешествие в зазеркалье
9. Чужое счастье непреемлемо...
10. Маленькая метаморфоза
11. Земной импринт
12. Память пришедшего издалека на Землю
13. Живые спящие дома
14. Библиотеки вечности
15. Упражнения в магии
16. Неземная любовь и тысячи лет бессонницы
17. Бежавший из одного мира, увязнувший в другом...

18. Чужое поле заразительно
19. Встречи во снах, сплетенных с реальностью
20. Гений на скромной должности
21. Мети рассказывает один романтический сон
22. Адский дом – такая игра!
23. Странная вещь агрегор богов
24. Бессмертные библиотекари
25. Бегство из временных миров
26. Действительно, игра?
27. Поезд
28. Томик. Еще игра...
29. Один в далеко не позитивном мире
30. Перевозчики душ через реку забвения

- 31. Комнаты памяти странников**
- 32. Проклятые места!**
- 33. Души, оказавшиеся в ловушке**
- 34. Мети снова рассказывает сны**
- 35. Потерянная в мирах**

Идущий по Земле через эпохи, чужой везде
– Не бог, не человек!
Зачем пришел сюда, за что наказан?
К Земле привязанный который век...

Без племени, без рода...
Вечный путь без света,
Пустынная дорога пролегла во мгле.
И нет ответа.

Взлететь хотел бы, но не может оторваться:
Вина – земное бремя слишком тяжело,
А он не помнит ничего.
И чья-то тень идет за ним по следу...

Пролог

Память приоткрывала ему лишь разрозненные фрагменты, действуя по своей, неведомой ему воле. Хаотично, неконтролируемо и непредсказуемо, и никогда не давала полной картины. Вновь ему смутно вспомнилось: он бежал от кого-то или от чего-то... Тем, кто шёл по его следу, похоже, было трудно вычислить его местонахождение, они как бы шарили вслепую в крошечной тьме. И так продолжалось до тех пор, пока его не одолевало подобие сна. Но если в реальности ему удавалось каким-то образом замести свои следы, совсем другое дело в этих странных снах: иногда они словно чувляли его, и вот тогда начинался его бег по теневым лабиринтам. Один из них – адский дом... Он сам назвал его так! За запыленными окнами мутный, подернутый мгlistой дымкой день – параллельная, совершенно бесполезная для него реальность, оторванная и не имевшая ничего общего с этим местом. По крайней мере до тех пор, пока он, Нейл, не находил какой-то выход! Впереди была анфилада комнат и плохо прикрытые позади двери, которые он даже не заботился запереть. Нейл бежал... бежал не по-божественному, задыхаясь по-человечески, собранно, напряженно, рассчитывая свой бег по долям мгновений, не имея никакой возможности ни приостановить, ни удлинить время. Цель одна – не

оказаться в мертвом тупике, в ловушке! А он искал ту единственную дверь, за порогом которой всё сразу менялось...

1. Освобожденный, живой, вечный...

... Нейл лежал раскинувшись навзничь в траве, тело без сил, налитое безмерной тяжестью, и – райский сад вокруг него. Сиддхи оставили его одного, или это он сам высказал пожелание побыть в одиночестве? Лежал и грезил... Сквозь полуопущенные ресницы скользили подобно свето-теням смутные видения каких-то совсем других времен и других мест, давно им оставленных и давно забытых, в то время как его отяжелевшее тело как будто проваливалось сквозь землю. Нейл лежал и думал о том, что означало бы слово «смерть» для сиддха. (Даже если он сам был, несомненно, жив! Подумал это и ухмыльнулся.)

Что-то вроде игры? Устав от пребывания в этом мире, тот уходит в другой. Устав играть, переходит в какое-то другое свое состояние. «Ну разумеется, для сиддха это всего лишь земное представление в глухом закутке здания Мира!» – уточнил он, слегка иронизируя над собой. Так сколько же раз ему приходилось играть разные роли и как далеко уходить, чтобы отдохнуть от всего? Чтобы почувствовать себя относительно свободным там, где его актерские способности не требовались! Тяжелый земной мир слоился на «подми-

рья». Их была целая паутина, темных, вязких и едва им переносимых, из которых он бежал.

И снова перед его глазами возникала картина, которую он видел уже не раз: холодная равнина до горизонта, ветер, камни и мох. Порывистый ветер рвет на нем какую-то бесформенную, темную одежду, а он ложится на землю и долго лежит. Так долго, что кажется сам постепенно становится камнем. И вспомнилось невольно то время, когда в воображении людей еще существовал холодный, мрачный ад. Но они ничего не знали о настоящем Аде: бездне вечной бессознательной бездеятельности! Фантазии людей никогда не описывали его в точности.

Между тем вереница мыслей уводила его куда-то далеко. Ноэтика?.. Что-то, касающееся человеческого мышления. «Нус» – мысль, «ноэзис» – мысль, направленная на объект созерцания. Но это были всего лишь слова какого-то давно умершего языка, которые ничем ему не помогали. Давно или совсем недавно, или не умершего и еще живущего где-то! Как минимум у него самого в голове.

Воспоминания Нейла были подобны запертым комнатам где-то в лабиринтах памяти. Его хаотичный запасник! Личное хранилище, которое он когда-то без труда вскрывал по собственному желанию. Безошибочно отыскивал нужную дверь в каком-нибудь полутемном закутке безграничной, нерукотворной конструкции, принадлежавшей ему одному!

Но сейчас Нейл оперировал своими воспоминаниями гораздо проще: примерно так, как делал это, наверное, еще в детстве. Мир жил где-то, а он просто «раздвигал рамки» и входил в него. Некая вторая реальность в рассеивающейся дымке... Вступал в фрагмент прошлого, чтобы прожить его повторно со всей ясностью чувств. Ему стоило лишь закрыть глаза, которые, казалось, были уже закрыты, и просто оторваться. Пусть он почти не управлял этим! И всплыло еще одно слово в цепочке слов у него в голове: «аноэтика»... Это приходит без мысли и помимо нее. Аноэтический синдром у человека – явный признак болезненного состояния ума. И снова уточнил специально для себя, усмехаясь: «У человека... Ну конечно, у человека!»

И на этом его рассуждения кончились: видение и в самом деле незаметно оторвало его от мыслей и увело куда-то за вскрывавшуюся пелену памяти.

Место глухое, далекое от какого бы то ни было жилья. Некая сырая низина, где он был совершенно один. В изумрудной полумгле туман, струящийся и рвущийся на клочья, окроплял ему лицо мелкой, мельчайшей росой. Нейл ощущал эту влагу: он реально находился там! Дно какого-то огромного провала. Очевидно, рухнул свод гигантской пещеры, оставив лишь крутые отвесные стены; рухнул так давно, что на дне ее успел вырасти второй лес. Нижний лес в полном отрыве от леса наверху, защищенный на дне котловины. Туманный, призрачный, сырой, окутанный косматы-

ми мхами, с громадными, тянущими вверх свои вершины деревьями, с буреломом поваленных стволов. Дебри почти непроходимые... Для человека, разумеется! А он, кем он себя считал? Нейл или Нэлл, Нийл, Ниил, Нил... Имя его было странно скольльзящим, как этот клубившийся вокруг него туман.

При желании он мог бы плавно оттолкнуться от земли и левитировать по направлению к вершинам огромных деревьев. (В самом деле мог?!) Что он делал здесь один, в такой глуши? Вынужденный от кого-то или от чего-то бежать... Странно, но он не смог вспомнить какая опасность ему угрожала! Возможно, это был всего лишь добровольный уход от не вполне удовлетворявшей его реальности. Этот мир далеко не рай... И, если уж на то пошло, миры! А ему представилась монолитная спиральная лестница, ее бесконечная рекурсия, направленная в никуда, фрактально ветвящаяся кривая. «Кривая Дракона?» – задал он себе вопрос, но не успел прокомментировать свое странное предположение: одно видение сменилось произвольно другим. Потому что он еще не вполне научился управлять их фрагментарностью.

Тишина... На этот раз это были сухие, светлые солнечные глубины букового леса, вполне доступного и приятного для блужданий. Повсюду лежала колеблющаяся солнечная рябь. А Нейл, в этот момент был, по-видимому, обыкновенным туристом-одиночкой, бродягой в поиске уединения и молчания. Возможно, это помогло бы ему вспомнить... Потому что

он забыл о себе почти всё, не считая каких-то обрывочных, смутных картинок. Кажется, он был поражен амнезией! Что-то в этом роде...

Полная изоляция – опыт, доступный далеко не каждому: необходимо владеть навыками выживания. А он был один и налегке, даже без рюкзака. Как будто силы природы по отношению к нему были более благосклонными. Нейл шел по краю лесистого каньона, то взбираясь, то спускаясь по едва обозначенной козьей тропе. Если только... Если только эту тропу не творил он сам же в эту самую минуту! Странная мысль. Шагал, прислушиваясь к собственным шагам и шороху осыпающихся под ногами камней... Угадывал шум воды далеко внизу и собирался каким-то образом спуститься вниз: скользя ли по обрывистому склону, цепляясь за стволы деревьев и за кусты или просто левитируя над кручей и валежником! И внутри себя почти ясно «видел» поток и его каскады, так, словно и в самом деле был уже где-то там, внизу.

Но не жажда и не просто туристическое любопытство тянули его в глубины ущелья. Это был почти инстинктивный зов: он нуждался в звуке воды, как будто находил в ее вечном течении что-то похожее на него самого. В ее струении, в бесконечных переливах не было ни ноты фальши, ни малейшего диссонанса с тем, что он сам чувствовал. Хотя тот же самый непрерывный шум потока, который кто-то назвал «белым», кажется, был способен нарушить правильное вос-

приятие мира. «Правильное восприятие мира?.. – подумал Нейл. – Что это значит?» Ну да, он же забыл добавить свое уже обычное замечание: «Восприятие человека!»

На его пути скала розового песчаника нависала полуаркой почти над самой тропой. Нейл приостановился, любуясь ее каменным веером. Природа, пытавшаяся создать приют для случайного путника, так и не сумела завершить свое творение, пещерка рухнула. Хрупкая, недолговечная порода, как всё или почти всё в этом мире. А он, никогда раньше не бывавший в этих местах, знал откуда-то, что тропа кончалась всего в паре десятков метров позади скалы. Там, у края обрыва, крохотный источник сливал свою тонкую, светлую ниточку в темной нише в обрамлении густых зеленых мхов.

В каменной выбоине темная вода сверкала, блики света гипнотически завораживали взгляд, и как будто напоминали ему о чем-то: «Сад?..» Но он так и не смог вспомнить, просто наклонился к чистой, ледяной струйке воды и лишь коснулся ее губами – даже не глоток... Так было всегда: он не ел и почти не пил! Как такое могло быть?! А мысль, промелькнувшая прежде, вдруг показалась ему очень странной. Где именно он находился в данный момент: лежал на траве в Саду или стоял у горного источника и ощущал вкус и холод чистой воды?.. Не просто вкус, мог даже определить с точностью ее минеральный состав! Но некая дисторсия на самом краю поля зрения – почти за краем – выдавала какое-то смутное, быстрое движение и отвлекла от этой не менее странной

мысли.

Нейл отреагировал вполне по-человечески: быстро распрямился и оглянулся. Для человека всё было спокойно: ни людей, ни зверей, одни деревья, цепляющиеся корнями за кручу. Зато внимательный взгляд сиддха (а сейчас он думал о себе именно так) мгновенно отличил и выхватил нужное. Ну да, конечно, по левую сторону от него, на бровке обрыва, существо, угловато изогнувшееся, застыло под его прямым взглядом, цепляясь почти человеческими руками за слой плотного дерна. И разумеется, притворялось просто засохшим корнем. Всего лишь светлый ползучий корень, не способный обмануть его, кем бы он ни был... Сиддх!

Нейл продолжал смотреть прямо, пристально и теперь ясно различал серый костлявый локоть и крючковатые пальцы, вцепившиеся в землю; лопатки остро торчали на спине создания. Одна нога, вытянутая наподобие лапы большой ящерицы, нашла опору на камне, другая, согнутая и подтянутая, действительно чем-то напоминала узловатый корень. Существо плотно прижималось к краю обрыва и старалось остаться незамеченным.

Он мысленно усмехнулся, заверяя: «Я ухожу, источник твой!», а оно не проявило никакой враждебности. Даже не шелохнулось, распластавшееся, ничем себя не выдало, разве что темным, блеснувшим взглядом. Но может, и в самом деле самый обычный корень! Всего лишь парейдолия: неосознанная попытка придать незнакомому знакомые очертания.

Между тем он постоянно, безотчетно или вполне осознанно, проводил границу: «человеческое» и «нечеловеческое». Что это для него значило?

И что за видение посетило его мгновения назад? Некий Сад... Постарался вспомнить и – вдруг очутился перед некой глухой стеной. Инстинктивно попытался пройти сквозь нее. Она оказалась черной, желеино-тягучей массой. Казалось, что сама толща отторгла его, или это он, испугавшись увязнуть, отпрянул резко. Нейл стоял и оглядывал преграду перед собой. Она высилась в дымных серых сумерках, протянувшаяся и вправо, и влево, бескрайняя... Ни единой бреши. А он прекрасно знал эту стену! Стоял напротив нее, бесильно опустив руки, с чувством собственного поражения. «Ты сам воздвиг ее внутри себя!» – так ему было сказано. «Заслон» – его странная амнезия. Что за чушь! Как он мог это сделать?!..

Всё растянувшееся видение на деле промелькнуло перед ним подобно короткой вспышке. Нейл лежал на траве в «райском саду». Теперь он знал: Сад не был садом в принятом смысле слова и, помимо того, что в нем открывалось обычному взгляду, обладал бесконечной, уходящей в бездну анфиладой виртуальных садов. И еще Нейл знал о себе, что он сидит, – не без тени сомнения, потому что до сих пор продолжал страдать провалами памяти. Могут ли боги забывать?! С некоторых пор, почти в шутку, он стал называть жителей странного сада «богами». Даже если это звучало

несколько претенциозно и не слишком скромно, поскольку Нейл теперь причислял к ним и себя тоже.

Казалось, прошло невероятное количество времени с тех пор, как он проснулся практически без памяти на берегу какого-то фантастического мелководья. На самом деле всего лишь вчера... вчера в дюнах произошла его встреча со странным стариком! Ольсмин показался ему умелым иллюзионистом. И они вместе проделали путь через лес. Нейл всё еще не мог себе простить: он не узнал своего отца, приняв его за мага, персонажа в банальной ролевой игре!

И вот, невозможный Сад с его охранным барьером посреди глухого леса. Невероятный день, как бы равный земному году, и растянувшаяся ночь, полная «снов». Не совсем снов, потому что сиддхи, как оказалось, никогда не спят...

Тем временем память продолжала играть с Нейлом злые шутки! В Саду он встретил своего брата и его тоже не сразу узнал. Тарис, в гневе на него за долгие годы его отсутствия, кричал ему: «Ни у кого не было братьев, а у меня был! Ты понимаешь это!?!» Нейл узнал, что у сиддхов иметь сестру или брата – редчайшее дело. А он, к тому же, бросил своего брата одного где-то, за какой-то «гранью», давно, когда они оба были еще мальчишками! Прошедшей ночью ему вдруг вспомнились их злоключения. Сны или бред... Или всё правда?! Он был запутан.

Конечно, Нейл понимал гнев брата, но и никак не мог уяснить себе до конца, что случилось с ним самим. Он как буд-

то исчез без следа лет на двадцать с лишком. Двадцать лет, в то время как по особому летоисчислению обитателей Сада на Земле за это время минули... тысячи земных лет! Мог ли он всерьез во всё это верить?! Или сказанные братом слова были какого-то рода иносказанием? Или это он, Нейл, был не в ладах со временем.

Обрывки памяти и самые абсурдные предположения... Потом постепенно начали всплывать воспоминания, прозрения, мучившие его весь остаток ночи. А в памяти была «сестра», Мети... совсем не сестра на самом деле! Она осталась где-то, потерянная... Может, просто по какой-то причине не пожелала вернуться сюда. Что это было за место? Чем занимались жившие здесь, в Саду? Нейл был охвачен массой сомнений.

Одно он теперь знал точно: то, что ему привиделось прежде, не было простым романтическим бегством в лесá. Настоящий Апокалипсис! Паутинообразно спутанные миры сползали в Бездну Вечного Несуществования. А он, Мети и еще другие, бежали вместе из мира в мир – подобие лабиринта! И кто-то как будто неотвязно шел за ними по их следу. И был некий беспредельный адский дом... Были герметичные дизель-поезда... Но, может быть, это были всего лишь его хаотичные сны? Их сны! Потому что многие рассказывала ему она, Мети. Временами они просто всплывали у него в голове.

Болезнь? Разумеется, Нейл предположил и это! Он остал-

ся в дюнах, лежал и бредил под припекающим солнцем. И не было никакого Сада, и никаких сиддхов... И не существовало Мети! Но в таком случае это был бы невероятно сложный бред.

Всего лишь амброзический сон, спровоцированный «лунной амброзией»? Они все здесь что-то пили... Ну разумеется, райская пища богов – нектары. Что еще?!

И наконец, утром за чаркой божественного нектара, уже наступившее примирение с его земным-неземным братом прервалось их новой ссорой. За которой последовало его, Нейла, бегство из Райского сада. А существо, принятое им за брата, Тариса, вело его куда-то через лес. Нейл бежал... Бежал по осеннему лесу в попытке нагнать создание... В уверенности, нет, абсолютно, совершенно уверенный, что следует за братом, возможно, пожелавшим (не говоря об этом открыто) показать ему ту самую Грань в лесу, которую они когда-то, будучи еще мальчишками, прошли вместе. Путь к мертвому Черному озеру, к Порталу! Там всё началось много лет назад. Провал времени – и всё смешалось: он взрослый и одновременно он снова мальчишка! Мальчишки – он и его брат Тарис – на берегу Черного озера. Станный островок посреди темной воды и черный провал... Портал, затянувший его, мальчика, но выбросивший, как легкую пушинку. Выбросивший не раньше, чем мальчик увидел осколки своего собственного будущего и был кем-то замечен во временных лабиринтах. Всё смешалось, но и отчасти встало на

свои места. Только у Нейла в голове царил полный хаос.

2. Место для неземного отдыха

... Однако оказалось, что он был совсем не один! Чуть приподняв голову, Нейл увидел стоявшую поодаль спиной к нему женщину, одетую в светлую, легкую одежду. Кажется, она занималась обыкновенным сбором урожая у самой обычной живой изгороди из ягодных кустарников. Сиддхи? Откуда у него в голове взялось это странное слово?.. Иногда ему казалось, что обитатели Сада просто смеялись над ним, разыгрывая спектакль и говоря между собой лишь ради него! А временами принимались разговаривать на необычном языке, который он каким-то образом понимал!

Понимал, но так и не смог отнести его ни к одной языковой семье. Лингвистика, явно, интересовала его, но точно так же интересовали и этнография, ботаника, зоология, геология... Масса разных знаний всплывала у него в голове, всё, кроме самого простого: его собственного имени! Однако еще при встрече на берегу, старик (неузнанный им отец!) поведал ему, что его зовут Нейл. И почему-то он сразу поверил.

Кроме того Нейл откуда-то знал имена всех живущих в Саду, но до сих пор ничего не знал о их жизни здесь. И видел лишь один дом: тот, в котором он провел ночь. Станный дом и очень странная ночь...

В одном из своих ночных снов, Нейл был мальчишкой.

Израсходовавший при пересечении некой Грани почти всю свою энергию, взлетевший из последних сил под купол каких-то развалин, чтобы избавиться от преследования людей. Не в силах преодолеть преграду, завис там, как в ловушке. А Тарис, младший братишка, оставшийся снаружи, под прикрытием леса, разговаривал с ним «телепатически» и не знал, как ему помочь!

Обрывочные воспоминания складывались в полную пробелов мозаичную картину. Во всё это было сложно поверить, но и не поверить почти невозможно. Иногда ему казалось, что он вспоминает всего лишь какую-то «странную игру»! И поначалу в рассуждениях Нейла еще присутствовала основательная доля трезвой иронии: он пытался доказать самому себе, что не настолько легковверен. Роскошный санаторий? Богатая секта, из тех, что раз приняв, не отпускают легко... Или военный эксперимент! В конце концов он умудрился предположить даже это!

В который раз Нейл устыдился самого себя: как он мог не верить собственным родным!?! Отец, брат, мать...

Приподняв голову, он смотрел на женщину всего несколько мгновений, но потом снова откинулся назад на траву и продолжал видеть, уже не глазами, а каким-то внутренним зрением: статная фигура на фоне зеленой стены кустарника. А это видение чередовалось с другим: светловолосая девочка в легком платье, сама легкая и невесомая, бежала, смеясь, через сад. И снова стояла женщина, и бежала девочка...

и стояла женщина. А он, слегка дезориентированный, про-
бормотал невольно: «Мети..?»

Но нет, Нейл уже знал: ее звали Малива – подружка его детства! Похоже, они были неразлучны: она, он и его брат, Тарис. «Вот только за Грани девчонок не брали!..» – он ухмыльнулся вполне по-земному. На самом деле он и младшего брата не должен был вовлекать в свои вылазки за грань «Пятого Уровня». Теперь Нейл понимал, что это касалось лишь его одного: старый неоплаченный им долг! Но какой неоплаченный долг мог быть у мальчишки? А он и был всего лишь мальчишкой, в котором дар переходить Грани открылся слишком рано.

С каких это пор он начал всерьез верить в сказки?! «Сказки?..» – переспросил себя Нейл, уже не раз. И сейчас, лежа в траве, склонял пришедшее в голову имя женщины: «Малива...Малий-ва...Маал-ива...» Странное имя, наверное, что-то значило. Все их имена были такими... как бы скользящими. Ее имя переливалось, как поблескивавший ручей. И он вдруг снова вернулся в свое видение.

Поток был широкий, но мелкий и струился прямо у его ног! Вспыхивавшие в воде искорки намагничивали и завораживали взгляд Нейла. Было бы достаточно всего одного длинного, бреющего прыжка, чтоб оказаться на противоположном берегу.

Он действительно стоял перед потоком или всё же лежал на траве в Саду?! В Саду, который жил вокруг него в своем

особом магическом ритме. Мог ли это быть один и тот же, невероятно длинный день? Утром слушал девушку, рассказывавшую ему забавные сказки «про говорящие деревья», потом вместе с братом пил «солнечный нектар» у себя в доме и после их внезапной пьяной ссоры, бежал, как сумасшедший, прочь из Сада. Через странный, полный присутствий лес к карстовой долине. Из лета – в осень, из осени – в зиму... И всё это произошло сегодня утром?!

Когда – этим утром – Нейл вышел из Сада, где царило лето, в лесу за его пределами уже начиналась осень. В то время как еще только вчера была весна, он мог поклясться, что помнил это! А когда отец, Ольсмин, – тот самый «чудаковатый старик» – пришел за ним к Черному озеру, чтоб уговорить его вернуться в Сад... в лесу была уже полная зима! И некие плазменные сферы перенесли их в вихревом полете через зимний лес! Сейчас его посещение Черного озера казалось ему уже почти таким же нереальным, как этот полет.

Ну да, «День» с большой буквы. Сколько других незаметно промелькнули мимо него, как в колебаниях пламени, как в мигании глаз?! Возможно, он просто временами забывался, входя в своего рода транс. А в этом предположении было что-то очень ему знакомое. Нейл слабо ухмыльнулся, ища внутри себя хоть какую-то зацепку, какое-то разумное объяснение всему: «Естественно... Последствия бессонницы... День длиной в год – год без сна!»

Он лежал в траве, а вода... искрилась у его ног?! Мелко-

водная, каменистая шивера. Он смог бы свободно перелететь через широкий поток, даже не коснувшись воды ногами, но как приятно в земную летнюю жару перейти разлившийся горный ручей вброд. Контакт с землей – дань материальному существованию. Погрузить ноги в прозрачное ледяное течение, преодолевая напор бегущей воды, искать опору под ногами, на колком и скользком мелком и крупном галечнике.

Дно жаркого ущелья было бы душным, если б не свежесть бурно несущейся мимо воды. Русло, усеянное камнями, образовывало по пути пороги и шумные каскадики; стремнина с непрерывным плеском и шумом огибала каменные массы. А по берегам – бурелом, нагромождения валунов и высокие зонтики розового бедренца, совсем не боящегося жары. Пахучий дикий укроп и сложный аромат красной таволги, ваниль с горчинкой, – пряные, разогретые запахи. Посреди течения – каменистый островок, а по левую руку от Нейла поток, ускоряя свой бег, бурлил под каменной аркой и под стволом упавшего дерева, становясь почти неприступным. (Для человека... Конечно!)

Ледяная вода вполне по-земному ломила ему икры ног и освежала «до глубины мозга»... Нет, освежала до глубины его вечного сознания! Наверное, он был бы способен оградить себя от жгучего холода обвивающих щиколотки струй. Наконец, прыжками, поднимая фонтаны брызг, почти перелетел поток до островка посередине и смог бы таким же образом проследовать дальше: вдоль русла, над камнями и бур-

ными каскадиками, над стволами поваленных деревьев... Но остался стоять на островке, а вода текла, струилась вокруг него. Запрокинув голову, оглядывал ущелье по верхам, буковый лес, пятнистый от света и тени. Шорохи птиц, зверей, стрекот, жар земли... Особая тишина. Нет, всё же этот мир по-своему даже прекрасен.

Всё расслабляло его физическое земное тело, без которого он не смог бы оценить то, что его окружало, и которое одновременно ограждало и защищало его от того же самого мира! Расслабляло и гипнотизировало не только физическое тело – его «земную душу», или ту сторону души, которая была необходима, чтобы замешаться незамеченным никем в толпе. А шум непрерывного потока усыплял его земную бдительность и одновременно освобождал его, настоящего, от земной скорлупы, в которой Нейл уже не нуждался, когда был вдали от всего, один.

3. Амброзия, поднимающая на ноги обессиленного бога

... Блеск воды превращался постепенно в блеск медных волос Маливы. Он действительно на мгновения перенесся куда-то, или это было всего лишь его элегическое настроение? Не открывая глаз, Нейл смотрел вверх и видел: небо, голубое, с одним единственным облачком, зависшим высоко над сияющей зеленью Сада. Сколько времени прошло с тех пор, как он очутился на этой лужайке? Женщина со сверкающими волосами цвета меди застыла, как прекрасная светлая статуя возле ягодных кустов. Это вносило некую гиперреалистичность в происходящее на прогалине. И сам Нейл, энергетически истощенный, лежавший на спине и смотревший в небо (сквозь закрытые глаза!), был как бы частью этой гиперреалистической картины. Ягоды на кустах буквально горели черно-фиолетовым огнем, полные живой энергии. Девочка из его детства, давно повзрослевшая... Нейл заглянул, не глядя, прямо ей в глаза: взгляд серо-ореховых глаз женщины был отрешенным, самоуглубленным...

Потом он приподнял голову, чтобы действительно посмотреть на свою подругу и на мгновение замер, очарованный. У нее была гармоничная фигура, и тонкая, легкая ткань

одежды словно струилась на ней. Рука Маливы то и дело зависала, и она сама застывала в некой медитативной сосредоточенности, а затем совершала быстрое и точное, почти магическое движение: не простой выбор ягод, а их отбор в особо выверенном диапазоне зрелости, особом хроматизме.

«В особенном музыкальном звучании! – пришло ему в голову. И прежде чем снова упасть обратно на траву без сил, он подумал, ухмыляясь: – Женщина-сиддх – загадка для мужчины-сиддха!» Она, по-видимому, что-то уловила, потому что отозвалась:

– Я рада, что ты вернулся, Нейл... И кажется, даже способен шутить! Полежи пока.

Она действительно сказала что-то?

– Сбор урожая? – спросил он, слабо иронизируя.

– Готовлю амброзию, способную поставить тебя на ноги, – констатировала она спокойно. А он всё так же никак не мог понять, как это они время от времени разговаривают без слов! Воскликнул внутри себя: «Абсурд!..» И невольно отметил, что это его внутреннее восклицание как будто потеряло свою прежнюю силу и уверенность.

– Амброзия, способная поднять на ноги даже бога? – снова пошутил Нейл, может быть, не слишком оригинально, «для бога!». Она повернулась и взглянула ему прямо в глаза, и произнесла на этот раз вслух:

– Потерпи еще немного.

На каком языке она произнесла эти слова? И произнес-

ла ли вообще?... На самом деле женщина продолжала стоять спиной к нему у кустарниковой изгороди и молчала. А он лежал с закрытыми глазами в траве и повторял: «Абсурд! Полный абсурд!...»

– Мы всё еще друзья? – пробормотал Нейл, как бы проверяя, способен ли еще его голос звучать реально и закончил: – Прошло столько времени!

– Конечно.

– Конечно, что?.. – переспросил он, делая вид, что не понял. – Прошло слишком много времени?

– Конечно, мы друзья, Нейл, – ответила она, упрекая мягко. – Для нас ты всё это время был вместе с нами! И, к слову, скоро все будут рады увидеть тебя на празднике!

Нейл усомнился бы в этих словах, но вспомнил... Девушка по имени Дайга прошедшей ночью сопровождала его на праздник масок, организованный в Саду. А утром, под портиком дома, который Нейл считал уже собственным жилищем, рассказывала ему «Сказку говорящего дерева». В рассказе говорилось о доме ушедшего много лет назад сиддха. Заброшенный, скрытый от глаз густыми зарослями и полный зелени внутри пустых залов, он казался ей отчасти магическим лесным храмом. Дом был живым! В детстве девочка Дайга любила прятаться там и играть, а позже – медитировать. Она мечтала узнать что-то об исчезнувшем сиддхе, и Нейлу казалось, что она была немного влюблена в созданный ею образ. И конечно, его немного смутило то, что сиддх в ее

рассказе был он сам! Но, в конце концов, она была еще наполовину ребенком и просто любила сказки. Он слабо улыбнулся своему воспоминанию.

Итак, сиддх не был забыт, но двадцать лет отсутствия – это не малый срок для Земли. И еще он вспомнил: брат объяснял ему, что сиддхов на Земле не так уж много и их отношение друг к другу совсем не такое, как у людей. А он слабо ухмыльнулся: его «божественный брат» Тарис казался немного человеконенавистником!

А тем временем Сад готовился к другому празднику. Праздник пяти поселений. Пять и еще два: особенные, призрачные места медитации и покоя, куда сиддхи уходят перед тем, как покинуть Землю, чтоб больше не вернуться никогда.

Но он вернулся, и Мети – тоже! Воспоминания всплывали в голове Нейла постепенно: оставшиеся на Земле сотни миллионов лет назад, в бегстве от другого временного мира, такого же чужого им. Заснувшие глубоким сном на пустынной планете, еще не названной Землей и проснувшиеся в новом аватаре... И после этого, по-видимому, «просыпавшиеся» уже не раз!

Но что за игра?! Временами он еще возвращался к этой мысли.

Тем временем его подруга ожидала от него какого-то вопроса.

– Когда?.. – пробормотал он по инерции, достаточно дезориентированный всеми этими мыслями.

– Этой ночью, – ответила она. – Ты забыл?

Он должен был помнить? Так или иначе, им предстоял еще очень длинный день... Без времени. Впрочем, в последнее время мысли о времени уже не так тяготили его.

Ну да, конечно, он знал. И ему припомнился праздник в Саду его детства... предполагаемого или воображаемого! Нет, он не иронизировал, просто не желал поддаться излишней сентиментальности. Однако Нейл видел внутри себя сцены: некая виртуальная, а, может быть, и вполне реальная встреча. Прибывшие издалека, забавное восхищение Садам со стороны маленьких гостей... Никакого детского хвастовства или соперничества, это он хорошо помнил! Ее поселение было где-то очень далеко... Но о ком он думал? О Мети, конечно же! Морское поселение находилось на большом расстоянии от Сада, и пришедших оттуда было совсем немного. Может, потому он и заметил сразу ту странную девочку? Или он заметил ее по какой-то другой причине? И она как будто сразу выделила его из всех других. Смотрела на него молча. «Нейл, я сразу узнала тебя», – сказала ему Мети однажды. Еще одна красивая сказка, которую он придумал прямо сейчас? Нейл устал от самого себя, устал быть «упертым Нейлом», устал от своих сомнений и от всех этих романтических фантазий!

Он всего лишь пытался подвести черту под тем, что уже знал. Вчера (еще только вчера!) Ольсмин, его отец, встретил его в дюнах и через лес привел блудного сына в Сад. И по

пути кое-чему научил: технике левитации и некоторым самым простым метаморфозам! Тарис, брат, не простивший ему того, что случилось двадцать лет назад, метал в него молнии, как разъяренный бог. В то время как остальные сиддхи, казалось, были готовы заключить его в свои энергетические объятия... Он не выдерживал больше ничьего присутствия: рухнул! Это был полный коллапс! Что никак не походило на игру. Скорее уж, параноидный бред! А потом они оставили его одного в каком-то доме. Не скромный домик, а целая вилла, с пусть небольшим бассейном и с садом – в его распоряжении. И не просто дом... огромная «арагонитовая раковина»! Потом началась самая длинная в его жизни и самая безумная ночь. А для начала он выпил немного того божественного лунного нектара. И под утро пароксизм... то есть, обострение бреда: он воображал себя в пустоте, создающим мир «богом» или что-то вроде того! Много, много разных видений! Параноидная шизофрения!?! Голова Нейла слегка шла кругом.

Но кажется, он снова отвлекся. Значит, опять праздник... Выходило, что Мети оставалась где-то за Гранью одна, а он прохладился и развлекался в райском саду, от праздника к празднику! Однако он не имел ни малейшего представления о том, где ее искать и как ей помочь. Могут ли «боги» чего-то не знать?!..

И Нейл невольно вернулся к тем мыслям, с которых начал. Все эти долгие годы он мотался неизвестно где, играл раз-

ные роли! Искал, и сам толком не знал, что именно ищет. Какой-то долг, оставшийся неоплаченным... В последнее время Мети приходила к нему в ту пустошь, где он «похоронил себя». (Отсюда и мысли о холодном аде людей!) Она звала его, уговаривала реагировать любым образом, не сдаваться, подняться! Это была депрессия и отрыв от мира, полная де-реализация.

Нейл приподнял и снова уронил голову. И под конец ему вспомнилась Диона. Видение лишь промелькнуло. То, что казалось ворохом тряпья, лежавшим на шпалах старой, заброшенной, заросшей травой железной дороги, вдруг ожило: она подняла голову, села, глядя в его сторону. Нейл приближался к ней летящим шагом. Казалось, что она ждала именно его! Глаза, как фиолетовые кристаллы, «светлые не по-земному»... будто меняли что-то внутри него. В то время как Тарис, позади него, кричал: «Оставь ее, Нейл! Зачем она нам нужна, какая-то человеческая девчонка!» Но он не понимал: её не должно было там быть, её вообще не должно было быть! Только и он, Нейл, еще мальчишка, не мог понять, что происходило и потому остался там, за Гранью. Так?.. Или примерно так!

Сад вокруг него был погружен в какой-то особенный, мягкий экстатический покой, в золото своего особенного света.

– Сейчас... Почти готово! – сказала Малива. Его мысли и видения донеслись до нее каким-то эхом? А он подумал: «Слова... – эскизный проект, позволяющий лишь догадаться

о сути подлинника, заключенного в молчании!» Он действительно был филологом?.. Биологом, этнографом, геологом... Поэт и актер своего рода!

– Что за рецепт? Не секрет?.. – Нейл даже пробовал шутить, как пошутил бы с самой обычной земной подругой.

– Выпьешь и узнаешь, – ответила она рассеянно, тоже вполне по-земному.

Он смирился и, лежа в траве, продолжал наблюдать легкое облако, словно зависшее над ним в теплом, лазурном небе... Летнем небе! Все было обычно. А в лесу, за пределами Сада, наверное, уже кончалась зима и наступала весна.

4. Светоподобные в ловушке зеркального резонатора

... Его внимание сосредоточилось на женщине. Она срывала энергетически зрелую ягоду и замирала, потом делала следующее быстрое движение. Всё вокруг изменилось. Нейл видел иные краски – кажется, токи самой энергии. Воспринимал окружающее на каком-то другом уровне, погружаясь вглубь того, на что смотрел. Поначалу зелень и золото света как бы плавилась и сливалась, потом всё начало генерировать легкие радужные флуоресцирующие тени. И ему открылась бесконечная цветовая палитра оттенков, прежде невидимых. Сад вокруг него предстал в своей иной сути: занятый фотосинтезом, он весь светился. А женщина на фоне этого огненного сада застывала, как будто на вечность, потом снова оживала, срывая горящие фиолетовым огнем ягоды. Каждая, собранная ею, была в кульминационной точке своей энергетической полноты, за которой последовал бы только распад (не менее токсичный, чем энергетическая незрелость).

Реальность распадалась на кадры вечности, сам Нейл, замедленный, пораженный безупречностью происходящего, застывал в восхищении. Волосы женщины вспыхивали и пе-

реливались огненными красками, по одежде и по рукам ее бежали пылающие тени, и даже кончики ее пальцев как будто зажигались фиолетовым свечением. А ему, непонятно как, удалось заглянуть даже в чашку, которую она держала в руке: там плавилось ясное, тягучее «белое золото», поверх которого фосфоресцирующее фиолетовое сияние порождало легко взлетающие ослепительные искорки.

Хотя Нейл раньше уже пил нектар, подобное фантастическое видение вызвало в нем некоторые человеческие опасения. И невольно ему в голову снова пришел вопрос, заданный Тарисом: «Что будет с тобой, брат, если ты не сможешь изменить себя?.. В таком случае, ты сам, первый, не захочешь остаться здесь с нами!»

И он не без иронии вообразил. Пустынная, малонаселенная «планета Пятого Уровня», а он – отшельник, грязный, отощавший, питающийся одними травами, кореньями и белой каолиновой глиной. Разучившийся говорить в одиночестве, угасающий на своем топчане в сырой пещере...

К нему вернулась мысль о Пятом земном Уровне. Отец и брат рассказывали, что уровни – это не простые этажи, а почти разные планеты. Пятый глобус, еще вполне физический, а шестой и седьмой – уже нематериальные приземные сферы. У Пятого Уровня не было никаких «ответвлений», никаких дополнительных миров. Он находился как бы в отрыве: не проходил все этапы развития и свертывания низлежащих сфер и пролистывал целые эпохи. Сюда долетали лишь сла-

бые отголоски земных разрушений и преобразований. И на распутьях, когда этот мир должен был выбрать для себя лучшее, он как бы замирал и иногда погружался в своего рода спячку... Чтоб затем ожить, даже не заметив своей временной приостановки! «Этот мир не спешит, и мы его не торопим», – сказали ему отец, и брат.

Нейл ничего не помнил. Они говорили ему, что причиной всему был заслон, который он поставил внутри своей памяти. А он не мог поверить, но почти каждый раз, когда пытался хотя бы чуть-чуть приподнять завесу, оказывался в своем видении, бегущим по некому лабиринту... разного типа лабиринты. Дом-ад запомнился ему, пожалуй, отчетливее всех других! «Адский» – по его собственному определению. С как бы размытыми границами...

За запыленными окнами мутный, подернутый мгlistой дымкой день – параллельная, совершенно бесполезная для него реальность, оторванная и не имевшая ничего общего с этим местом. Впереди была анфилада комнат и плохо прикрытые позади двери, запереть которые он даже не заботился. Нейл бежал... бежал не по-божественному, задыхаясь по-человечески, собранно, напряженно, рассчитывая свой бег по долям мгновений, не имея никакой возможности ни приостановить, ни удлинить время. Его преследовали! Что ему грозило? Что-то хуже смерти! Цель одна – не оказаться в мертвом тупике, в ловушке.

А он искал ту единственную дверь, за порогом которой

всё сразу менялось. И буквально вырывался наружу: как бы из мира тени в мир овеществленный. Прочь от этого странного строения, так и не разобравшись толком, что там внутри происходило! Просто предпочитал отдалиться и для большей уверенности затерять свои следы на улицах «лицевой стороны мира».

И все-таки когда же он умудрился выбросить связку ключей от архива своей памяти? Как минимум от замков некоторых его комнат, в которых скрывалось что-то настолько нежелательное для него, что Нейл предпочел не возиться долго, а заблокировал целиком всё хранилище! Возможно, он запер где-то тот свой старый долг, давно не отпускавший его. Пришедшие...

Он тоже был в каком-то смысле «пришедший». Вместе с ними, но не один из них, всего лишь случайно оказавшийся в их временном мире. Но это была совсем другая история. И его первая ошибка! Похоже, он уже тогда страдал подобием амнезии, если в какой-то момент, забыв о себе истинном, воспользовался для бегства своего рода автостопом, чтобы прибыть сюда, ища убежища на еще пустынной в то время планете. Вторая его ошибка! А далее, эксперимент... Они пришли сюда для своего эгоистичного эксперимента – он стал сначала невольным соучастником чужих замыслов, потом беглецом. Халатность и прочие небожественные причины, и сколько же у него набиралось таких просчетов?! Со всем не мало «для бога»!

Это была та последняя капля, что переполнила чашу, после чего он бежал в пустошь, чтобы остаться на необитаемой планете в полном одиночестве. В то время, как они сворачивали свои проекты и спешно уходили: надвигалось тотальное Оледенение... По-правде говоря, во всей планетной системе происходило что-то странное, необъяснимое, необычно ускорившее естественные процессы, которым было бы положено растянуться как минимум на века, если не на тысячелетия. А он оставался один (так он думал) на оледеневавшей планете. Не собирался умирать, нет, всего лишь заснуть ненадолго... На миллионы земных лет!

Пришедший остался один на Земле и стал Оставшимся. Совсем другая жизнь, и тем не менее Нейл нес внутри себя ответственность за всё произошедшее не с ним. Или нет, не так... Всё время, сколько Нейл себя помнил, он был внутри себя им – Оставшимся!

Снова на неисчислимые мгновения он погрузился куда-то вглубь себя. И темные фигуры шли за ним по следу, а он бежал и даже ни разу не оглянулся, чтобы проверить, что именно они от него хотят. Теперь Нейл думал про то, что сказал ему Тарис: сквозняк неосторожно оставленной им открытой «двери» представлял опасность для земного Райского сада. И, если уж на то пошло, опасный для всего Пятого Уровня! Что-то вроде неплотно закрывшейся шлюзовой камеры космического корабля, нуждающегося в защите от проникающих радиаций. Сравнение, пришедшее ему в голо-

ву еще там... В туннеле!

И вспомнил. Нет, на миг оказался за рулем, один, ночью, в бесконечно-длинном туннеле, пробитом в пустынных горах. Бродящие в голове мысли, навеянные, может быть, самой безлюдностью ночной дороги. И одна из воображаемых им сцен: человек, оставшийся по какой-то причине один в гигантском космическом корабле, надевает скафандр и покидает борт корабля, в приступе совершенного безумия! Не было ли таким же безрассудством сегодня утром его бегство в лес к дальнему Черному озеру?.. «Посещение Портала никогда не проходит бесследно», – сказал ему Ольсмин, отец. Как бы отмеченный Порталом? Но если так, то его возвращение действительно могло быть небезопасным для Сада. Он, Нейл, – «ключ, открывающий Грани»?!

– Перестань думать всё это, Нейл! – в этот момент Малива упрекнула его; голос ее прозвучал где-то очень-очень далеко, возвращая его к реальности: – Ведь все здесь расположены понять тебя и озабочены твоей судьбой!

Его уже ничуть не удивляло то, что его подруга, стоящая поодаль, слышит его мысли. А он всё еще не научился экранировать их.

Упрямо думал: ну конечно, их заботили его возвращение и вред, который он мог принести их Вечному Саду! Хотя, наверное, он не был первым и единственным вернувшимся. Верно, однако, сиддхи возвращались домой из путешествий совсем другого рода. И это тоже было несомненно. Кажется,

обитатели Сада всячески избегали физического контакта с мирами особо низких вибраций. И уж конечно никто из них не мотался двадцать лет где-то за Гранью, вернувшись затем зараженным тяжелыми мирами!

Могут ли боги потеряться в каком-то иллюзорном мире? «Светоподобные существа в ловушке зеркального резонатора!» К нему вернулась мысль о земных писцах, о липиках. Те, что порой бежали по лабиринтам вместе с ним и Мети. «Прилипшие к мирам» – простая игра слов? Нарушившие первую, самую простую заповедь сиддха: «не вмешайся в дела иллюзорного мира». А земные миры низлежащих уровней оказались нелогично, непоследовательно упорядоченными. Именно это Нейл торопился объяснить Мети, прежде чем они оба снова потеряли бы друг друга. Хотя хаос царил и у него самого в голове. И что же он ей говорил? Что-то про лифты какого-то Гиперздания, то поднимающие на безмерную высоту, то опускающие в безмерную глубину. Земные этажи-миры, всё более странно путанные, постепенно соскальзывающие всё ближе к Провалу Вечного Несуществования...

А она рассказывала ему при встречах свои странные сны, такие же путанные. Один ее сон особенно запомнился и не давал ему покоя. Но когда это было?..

«Девушка в углу лифта... – говорила она. – Мы с ней в лифте вдвоем, больше никого».

Этажи, этажи... Она косится на меня отчужденно. Я не

разглядываю ее, но успеваю заметить: у нее очень странные глаза, очень светлые, почти прозрачные, и волосы почти бесцветные. Эта девушка напоминает мне кого-то... Но я не успеваю вспомнить. Дверь раскрывается, перед дверью – никого. Я не нажимала на кнопку. Может быть, это она собирается выйти? Но девушка вдруг хватает меня за руку и силой выталкивает из лифта! И самый последний момент, я вижу ее в щель закрывающейся двери: она улыбается!.. И нет никаких кнопок, чтобы вызвать лифт. Я одна на каком-то мертвом этаже: глухой лабиринт комнат, залов и коридоров без предела... «Нейл, здесь так темно!..» – крикнула Мети где-то, и ее голос пронесся внутри него эхом.

Бегущие находили ходы из мира в мир и терялись. Идущие следом за ними как будто не обладали той же способностью перемещаться в пространственно-временных дроблениях. Но в разных земных подмирах созданный ими иррадирующий фон покрывал иногда целые территории! А это действительно походило на некую жутковатую игру...

5. Огненный сад на окраине земных сфер

... Лежа в траве, Нейл смотрел и «видел», не глядя. Приготовление пьянящего напитка было закончено, а он и без того чувствовал себя будто пьяным! И за неисчислимую долю мгновения до того, как женщина повернулась к нему, он уже знал, что сейчас она повернется. Малива несла чашечку на ладони, как большой лепесток и шла легко, невесомо, летящим шагом, почти не ступая ногами, обутыми в тонко плетеные сандалии. А он тем временем успел подумать о собственном жалком виде, «недостойном ее божественного взгляда!». Но покосившись на свою одежду, немало удивился ее сияющей, почти неправдоподобной белизне и свежести (и это после того, как он бежал по лесу, падал не раз и лежал у озера в грязи!). Нейл не привык к подобной белизне, а ткань послушно темнела на нем, меняя окраску у него на глазах. Так некоторые кристаллы реагируют на психический настрой того, с кем входят в контакт, а, проще говоря, на температуру тела.

Фигура женщины была окутана постепенно гаснущим ореолом свечения. Она стояла над ним, он же даже не пытался встать, лежа, смотрел на нее снизу вверх. Его подру-

га детства была, несомненно, хороша. Лицо и обнаженные до плеч руки алебастровой нежной полупрозрачности, безупречные, и всё в ее облике было гармоничным. У нее был прямой тонкий нос, легкий, как крылья, разлет бровей. Глаза... Он уже успел не раз заметить: глаза обитателей Сада меняли свой цвет. А волосы цвета красноватой меди, хотя в детстве они были, кажется, гораздо светлее. Сделав усилие, Нейл приподнялся на локте, удивляясь, сколько же ему для этого понадобилось сил. Малива присела рядом с ним и поднесла ему чашку, глядя на него тем будто несфокусированным, отстраненным взглядом. Еще одна их особенность, которую он не мог не отметить!

Предложенное питье казалось чем угодно, но только не простой настойкой. Может быть, от перепада давления у Нейла слегка рябило в глазах и ему казалось, будто какие-то искорки вспыхивают внутри чашечки. Легкое пузырение окропило его губы мелкой росой, когда он поднес чашку ближе ко рту, не решаясь пригубить ее сразу. Запах не отвращал, некий свежий, крепкий аромат. А Нейл, не без дозы самоиронии, мгновенно провел молекулярный анализ! Антоцианы – фиолетовые пигменты антиоксиданта... Кристаллы фруктозы, те, что разворачивают плоскость поляризованного света влево... И еще, микрористаллики фиалкового иолита или кордиерита с заключенными в них молекулами воды в их особом квантовом состоянии.

Ему вспомнилось старое поверье. Кордиерит несет успо-

коение и сосредоточение. Отвлекает от навязчивых состояний и открывает скрытые резервы в том, кто случайно потерял ориентиры, предотвращая в нем запрограммированное саморазрушение!

Казалось, напиток излучал некое невидимое простым глазом фиолетовое сияние. И не просто свет – «фиолетовое духовное пламя»! Крупица моноатомного золота?.. «Всего лишь?.. Ну да, совсем простенькая настойка!», и он выпил содержимое одним глотком, не оставляя себе время для дальнейших глубоких размышлений. Затем взвесил в руке уже пустую, но очень тяжелую чашечку. Выточенная из диабазы и оплетенная сложной, тончайшей резьбой, на каком станке она была выполнена?! До сих пор он не видел в Саду ни одной мастерской, и едва ли здесь кто-то занимался камнерезным искусством. Как едва ли сиддхи занимались и садоводством, однако Сад вокруг цвел, благоденствовал, плодоносил, а его многочисленные тропинки странным образом не зарастали. «Сад, такой большой, что в нем можно заблудиться, даже если живешь в нем всю жизнь!» – так сказала романтичная девушка Дайга. Этой ночью он встретил ее «в парке», и она проводила его на очень странный маскарад: поющие камни и метаморфозы масок...

– Эй! – сказал себе Нейл. – Не слишком ли много сказок за столь короткое время? А ему уже давно было пора причалить к какому-то одному берегу, но он всё еще продолжал метаться.

От выпитого побежали шипучие искорки по всему телу... Еще немного и – Нейл, к собственному удивлению, смог легко сесть, почти без всякого усилия.

– Наркотик?.. – пробормотал он самое нелепое предположение. Но что еще он мог думать?! Допинг. И достаточно сильный стимулятор-энергетик!

– Нет, конечно, – проговорила Малива и улыбнулась, однако больше ничего не добавила. Странный ореол вокруг нее уже угас, а Нейл думал: «Она больше, чем просто подруга... Всё равно что сестра». Еще сегодня утром он усомнился в том, что можно любить в равной степени шесть сотен сиддхов, не разделяя окружающих на «своих» и «не своих», «друзей» и «не друзей»! Не кощунственно ли любить любую женщину в равной степени, как свою мать и свою сестру, жену? И разве совместно проведенные годы, дружба и кровное родство не ставят человека в особое положение? «Человека...Ты прав!» – это иронично сказал его брат, Тарис. Ну разумеется, количество прожитых вместе лет совсем не делает людей близкими: некоторые, и прожив вместе тысячу лет, останься их на Земле даже одна сотня, не изменили бы свои отношения в лучшую сторону! Близкое знание не обязывает их любить друг друга, и может быть даже наоборот. А он открыл, что для него не было чем-то новым ощущать себя рядом с кем-то комфортно и спокойно даже в долгом молчание. При том, что до недавнего времени он считал, что у него на Земле нет ни родных, ни друзей! Годы и годы... Семь

тысяч земных лет в одиночестве?!

– И почему именно лунная амброзия?.. – спросил Нейл, вспоминая то, что она уже готовила для него прошедшей ночью.

– Лунная – самая легкая и безвредная для едва вернувшегося из длинного путешествия! – она продолжала просто читать его мысли. А он улыбнулся, ценя ее деликатность в отношении «едва вернувшегося». Лунный напиток бессмертия? Земные жрецы называют его «сома». Сомы – бог Луны.

– Солнечный нектар – это более сильная его разновидность? – предположил Нейл. Нектар он пил этим утром, вместе с братом. И судя по тому, что случилось потом, нектар подействовал на него «плохо»! Но она не согласилась и с этим:

– Нейл, всё это лишь человеческие слова! Люди готовят разные травяные настойки, иногда токсичные... Но они едва ли знают, о чем на самом деле идет речь и поэтому начинают фантазировать!

Пока подруга говорила, он разбирал по частям слово: «некрот» «тар»... «Тара! – словно осенила его. – Ну конечно, богиня Тара! Имя ее означает «переход» и «преодоление». И еще «звезда». Типа, путеводная звезда?»

Как рассказывал один миф, однажды лунное божество Сомы похитило Тару-звезду, искру. Это напомнило ему что-то. Искра вечности, похищенная теми, кто управлял Луной! Пришедшие из бездны... Пришедшие и их лунная база... Вот

только насчет «похищения искры» возникали кое-какие сомнения. Похищенная или добровольно отданная, подаренная? Кем?.. Неосторожными богами, конечно! Из-за халатности или по ошибке? Ему хотелось оправдать богов: «И боги тоже могут глупить?!»

Так или иначе преступная в отношении Духа ошибка была совершена и искра вечности дана созданиям, которым она, по их статусу, совсем не полагалась. Всего лишь тени, «виртуальные подобия Пришедших».

Однако, тот же самый миф говорил, что богиня Тара зародилась от бога Луны прекрасного сына: «пробуждающего разум». И та искра перешла, как бы по наследству, к людям. «Может быть не ко всем... Искра, – подумал Нейл, – блуждала достаточно бесконтрольно: загоралась сильнее, слабее, тлела и угасала».

Вот только Пришедшие совсем не собирались заниматься Созданием! Всё произошло без их прямого участия. Несмотря на это они могли вернуться на Землю, чтобы забрать то, что считали по праву своим. (Если только им было что-то известно про истинную суть утерянного!)

Но он всего лишь на несколько мгновений увлекся, припоминая некоторые земные мифы: война богов и демонов за какой-то напиток, дарящий вечность... Всего лишь аллегории, конечно! И что же тем временем делали сиддхи? Никак не реагировали? Пассивно присутствовали при всем творившемся во временных мирах, в соответствии с их первой за-

поведью «Не вмешайся...»?!

– Сиддхи не участвуют в событиях иллюзорных миров, Нейл, – заметила Малива просто. Он уже знал: сиддхи, освобожденные, вечные, не имеют никакого отношения к временным мирам – сторонние наблюдатели. И иногда собиратели фрагментов временного, но разве что по их собственному выбору!

– Мы не вмешиваемся, Нейл... – повторила Малива. – Лишь в редчайших случаях!

Она поднялась, забирая чашечку у него из рук, а Нейл, к собственному удивлению, встал следом за ней – смог с легкостью подняться. Сказать, что напиток просто взбодрил его, было бы сильным ограничением, он ощущал своего рода полноту и завершенность в каждой части и частице своего тела! И пока, дезориентированный, анализировал эти свои ощущения, не сразу заметил, что Малива уже успела отдалиться. Поодаль от него, склоняясь под ветвью, она лишь молча обернулась, взглянула. Нейл сам поторопился нагнать ее, не мог же он остаться здесь один!

Вокруг было пустынно. Перенаселение Саду явно не грозило. На тропе впереди него стройная фигура молодой женщины скользила, почти не касаясь ногами земли. Нейл, хмыкнул, иронизируя, внутри себя: «Ну конечно, семь тысяч земных лет!...» Для своего возраста они оба были в хорошей форме. А потом он вообразил себе, что она и есть та самая богиня Тара-звезда, пришедшая, чтоб спасти для Веч-

ности что-то от проявленного мира, что иначе было бы потеряно. Ведь этот мир, рано или поздно, неизбежно, исчезнет без следа! Подобно тому, как уходят люди, унося свой маленький мир, закрывающийся вместе с ними, когда они в последний раз навсегда закрывают глаза. Но сиддхи, нет... Они просто уходят, не оставляя позади себя следов... Может быть, иногда им случается вспомнить с сожалением о каком-то потерянном иллюзорном мире и даже испытать ностальгию? «Да, Нейл, разумеется, всё это так... И мы храним о нем память в нашем Архиве вечной памяти!» Но это сказала ему не она, а какой-то голос внутри.

6. Паранойяльная озабоченность

...Тропа вилась, убегая куда-то вглубь Сада. Вокруг деревья, полные цветов и фруктов, как это и полагается в Райском саду! Фрукты с шорохами падали на землю, гнили, питали грибницы люминисцентных грибков, ночью наполнявших Сад своим призрачным сиянием. Местами тропинка становилась уже, и Нейл следовал за своей подругой след в след, как замороженный. Молодая женщина будто скользила над тропой, скользила и ускользала от него... А он следовал за ней, не отрывая от нее глаз, как на привязи, время от времени отводя загораживавшие ее зеленые и цветущие ветви, очарованный женственностью подруги. Или, может быть, сказывалось опьяняющее действие амброзии, суть которой он еще не выяснил до конца. «Сестра» иногда оборачивалась и взглядывала на него пристально и отрешенно. И взгляд ее невольно завораживал Нейла.

Легкое белое платье из какой-то шелковистой «нетканной ткани», покрой которого определяли лишь узелки, распускавшиеся тонкими складками. Оно вилоь и струилось вокруг ее тела, у щиколоток ног. Ее кожа казалась сияющей в бликах скользящего света; когда женщина поравнялась с розовым кустом цветущего тамариска, слабые розоватые и зеленоватые отцветы заскользили, словно отраженные, по ее ру-

кам и по платью. А Нейл подумал про многоцветную Тару из мифологии: белую, зеленую, красную, желтую. Голубая – самая могущественная, яростная! Синий огонь, разрушающий иллюзии, дарящий освобождение, вечность, покровительствующий богам!

Тишь, тонкие ароматы... Зелень мягко сияла и будто плавила над их головами. Временами чувства Нейла преобразались в настоящую эйфорию. Он встряхнул головой, пытаюсь сбросить с себя излишек дурмана, напряг все мускулы, чтоб ощутить себя реальным в этом прекрасном сне. Это ли не Рай?!.. И снова вернулось чувство вины: Мети где-то одна, потерянная... Намеренно сосредоточился лишь на своих шагах. И казался сам себе невесомым, словно его тело весило гораздо меньше, чем должно было весить на Земле. Его собственные шаги казались ему теперь почти скользкими. Малива еще раз обернулась и взглянула на него, на этот раз внимательнее. А он понадеялся, что ей не раскрылись его только что промелькнувшие мысли о ней! Пила ли и она ту же самую амброзию? Амброзия, нектар... назвать ее можно было по-разному. И действовало ли это на нее точно так же, как на него? Тот же вопрос он задал сегодня утром Тарису, когда они что-то пили вместе, полулежа на пенных подушках в нишах зала, у водоема, и, казалось, оба пьянели!

– Сад всегда так пуст? – спросил Нейл, с удивлением прислушиваясь к странному звучанию собственного голоса. В самом деле, где были все остальные сиддхи? Здесь не при-

нято часто собираться вместе, или ночной маскарад так утомил их, что они до сих пор еще «отсыпались». Сном длиною в полгода?! Нейл ухмыльнулся своим мыслям. «Впрочем, – подумал он иронично, – нуждаются ли боги, вышедшие из детского возраста, в беседах!» Кажется, в детстве он был скорее молчаливым ребенком. А Тарис был прав, упрекнув его вчера, что в нем развилась человеческая любовь к болтовне! Но в чем тогда заключалось удовольствие от встреч в Саду? «В совместном полете»?.. В молчании, созерцании, погружении вглубь вещей? Что само по себе не так уж плохо! Помимо того, что сиддхи были способны передавать и внушать свои чувства, и это он уже испытал на себе.

– Достаточно понять... – заметила его подруга. – Мы вполне самодостаточны и не нуждаемся в физической помощи или уходе. Что же касается духовной связи, то она никогда по-настоящему не затухает!

Нейл лишь кивнул, и некоторое время они шли молча. И всё же куда все исчезли? Пустынно в Саду и – только они вдвоем! А на задворках его сознания уже снова крадась тревожно-паранойяльная озабоченность, преследовавшая его еще со вчерашнего дня. «Солипсизм»?! Уж не создаст ли он вокруг себя бредовые образы, в то время как говорит и спорит сам с собой? Проще говоря, «хор его собственных Я» у него в голове!

Духовная связь?.. Он думал, что и у самых обычных людей случаются виртуальные контакты в особые моменты жиз-

ни. И всё же физическая оболочка земного человека должна быть крепкой скорлупой, потому что глушит любое проявление энергетического потенциала! Нейл продолжал думать о человеке, заключенном в его собственной скорлупе, как о потерпевшем кораблекрушение и оказавшемся на необитаемом острове, и ведущем в полном одиночестве диалоги с собственными фантомами. В шизофренике это проявляется особенно ярко, но и вполне «нормальный» человек, случается, проецирует собственные проблемы на окружающих. Одиноким актер левое полушария, декламирующий в одиночестве и принимающий эхо собственного голоса за диалоги с внешним миром! Не этим ли занимался сейчас и он сам?! На этом рассуждение Нейла остановилось, а его внутренний собеседник цинично рассмеялся и принялся неспешно аплодировать ему, поздравляя его и себя «со столь успешно сделанным выводом». («Разве ты еще не уверился окончательно в своей божественной сущности?!»)

Мети рассказывала ему о том, что она занималась некоей психиатрической практикой. Пусть эта практика длилась совсем недолго: некие гипнотические сеансы в мире, всё больше сходявшем с ума и начинавшем распадаться. Где она не могла уже никому помочь! Еще одна профессия, которая вписалась бы в ряд и его собственных предполагаемых профессий. Если только он сам в прошлом не был интернирован в какую-то лечебницу. («Если только этот Сад – не та самая лечебница!») – произдевался время от времени проявлявший-

ся в нем внутренний голос. Пусть проявлявшийся всё реже в последнее время.)

Источники, ручьи, прудики, заводи... Где-то в зелени роптали струи скрытого потока, которые он временами принимал за голоса. Они настраивали его сознание на особый ритм тета-волн. Расслабляли в гипнотической сонливости, на грани сознания и подсознания. Нейл улыбнулся Маливе, не желая, чтоб она заподозрила, будто он считает ее плодом своего воображения, а голос ее принимает за ропот воды где-то под сенью деревьев!

Тропинка вилась без конца и вокруг них было что-то вроде оранжереи, полной мягкого света и тени, ароматов, влаги и тишины. Плеск воды... Попискивание птичек-нектарниц... Звуки то приближались, то удалялись. Световые волны звучали. Звуки, податливо-пластичные, переливались радужной игрой. Амброзия была не при чем?..

У Нейла было такое ощущение, будто он сам настраивает силу звучания по собственному желанию! Но были моменты, когда звуки почти полностью угасали, как это бывает у человека в момент сильной задумчивости. Потом возвращались и снова усиливались, особенно когда Нейл начинал прислушиваться. И акцентировались настолько, что вдруг становились почти оглушительными, если он не успевал отрегулировать свое восприятие! Шелесты... Трепет крыльев нектарниц, густое гудение больших пчел... Всё сливалось в некое звонкое эхо под сводами Райского сада. Возможно, Нейл был

когда-то еще и орнитологом? Он откуда-то знал, что некоторые из птиц способны впадать в необычно короткий ночной анабиоз. И может, не такой уж короткий... Ночь в Саду длинной в полгода! Ему казалось, что он сам прошедшей ночью впал в подобие спячки.

Сад... Кто назвал его «садом»?! Жил вокруг как один одухотворенный организм, говорил множеством голосов, шептал Нейлу в уши что-то неразборчиво. Шепот, произносивший в сонной тиши, может быть, просто их имена. Тропа под ногами то и дело менялась: то поросшая пружинящей травкой, то мшисто-бархатистая в тени, а то вдруг начинала подниматься или спускалась земляными или каменистыми ступенями. Возможно, само это место было особо энергетическим. «Любовь, аккумулированная за годы, – пришло Нейлу в голову. – За века... Нет, за тысячелетия и даже за миллионы лет!» Временами странные, невероятно древние, пейзажи возникали перед его внутренним взором. Как если бы Сад входил в контакт с бездонной глубиной внутри него.

Нейл не сомневался, что и его подруга чувствовала нечто подобное. И в самом деле всего лишь действие выпитой настойки?!... Наверное, где-то внутри себя он все же задал этот вопрос, потому что Малива смеялась. Смех ее очаровывал, а он слегка улыбнулся в ответ.

– Нет никакого чудодейственного напитка, и не существует единого рецепта! – ответила она ему вслух на не заданный им вопрос. Про «рецепт» она явно взяла у него из головы.

Так поступали его отец и брат, и поначалу Нейл не мог принять с легкостью тот факт, что они извлекали слова из него самого. В последнее время случалось, что его мысли текли как бы в разных потоках, на разной глубине сознания, и даже совершенно независимо друг от друга! Однако до сих пор ему не удавалось достаточно хорошо прикрывать свои мысли!

Он согласился: «амброзия», «нектар» – всего лишь слова, выдуманные людьми, ничего толком не знавшими. Считалось, к примеру, что это экстракт эфедры. Лечебное и ядовитое для человека растение. И ему вообразилась пустошь, заросшая экзотическим лесом темных метелок... И всё же он ждал, что сейчас подруга раскроет ему какую-то тайну, но она продолжала говорить уклончиво:

– Это ответ организма на метаморфозу веществ... Но мы не готовим напитки с целью помутить сознание!

– Нет?.. В самом деле? – Нейл усомнился с мягкой усмешкой. Она подтвердила вполне серьезно:

– Конечно же, нет, Нейл!

– Нет?.. – переспросил он еще раз, чувствуя себя слегка пьяным по-человечески.

– Да нет же! – воскликнула она, уже смеясь.

Они играли словами, как дети, ему нравилось слышать звучание ее голоса. И вдруг на какое-то мгновение Нейл увидел их двоих детьми, стоящими на тропинке. Как бы со стороны, но совсем реально! Внешность их стала текучей по-

добно потоку. Мальчик и девочка. Светловолосая девчушка, забавные веснушки... Бывают ли у девочек-сиддхов веснушки, или он сам добавил эту симпатичную деталь в свое воспоминание? Дети. А затем, девушка и юноша. Она, рыже-золотоволосая, бледная, с глазами темными и светлыми одновременно. И пока он думал с улыбкой, что ему нравится эта тонкая медноволосая девочка-подросток... Снова взрослые!

– Вот лимон... Всего несколько капель лимонной кислоты могут очистить воду и сделать ее полезной для кого-то, – рассудительно произнесла маленькая светловолосая, веснушчатая девочка. В руке у нее, как по волшебству, возник лимон, а чуть подальше у тропы качнулась с благодарностью молодое деревце, отяжеленное зелеными и желтыми плодиками. – Но для другого лимонная кислота настоящий яд! Так и амброзия, перенасыщенная на энергетическом уровне, может принести лишь вред!

Возможно, они оба всего лишь повторяли земной урок. Живые организмы реагируют по-разному на одну и ту же энергию, в разное время, в разных условиях, в разных своих состояниях... Картины детства открылись Нейлу в зелено-золотистой дымке, живые сценки перед его глазами. Разновозрастная группка детей в светлых одеждах, отдыхающая в траве на лужайке близ белого дома, похожего на створку раковины, кем-то названную «крылом ангела». В солнечном сиянии белоснежный арагонитовый портик, в плавном изгибе которого чередуются полосы света и тени... Классная комната –

всего лишь один из пустующих в Саду домов. «Дом сиддха в пути». Не построенный никем, выросший сам дом-раковина со своей каменной душой, погруженной в свои каменные сны без времени. Затем прогулки по Саду, полному цветов и фруктов. Беседы на берегу темного задумчиво-тихого пруда. Под сенью старых деревьев, медитация на мшистых валунах у сверкающего ручья. И еще другое... Дети, оглядывающиеся вокруг себя... Сад кажется им совершенно изменившимся: призрачный, совсем других тонов, в какой-то иной своей ипостаси. Но, возможно, воображение Нейла всего лишь слишком разыгралось!

Учили ли их взрослые преодолевать Охранный Барьер? Или наоборот предостерегали детей от неразумных попыток выбраться за пределы Сада? Детям требовалось прежде научиться ориентироваться в беспредельных лабиринтах своей собственной памяти, вспомнить себя настоящих и постепенно освоить не сразу раскрывавшиеся в них способности. Нейл быстро научился открывать Грани. Раньше, чем кто-либо другой! Неслучайно? И однажды он и его брат, еще мальчишки, оказались далеко в лесу, на берегу Черного озера, у Портала. Совершенно одни. Тоже неслучайно?..

Оставшийся... Сколько Нейл себя помнил, он хранил внутри себя его память. Иногда лунными ночами тот стоял у его постели. Нейл не видел его лица, оно оставалось как бы в тени.

В памяти Нейла – Оставшегося! – всё было словно подер-

нуто серой дымкой. Что-то вроде «помех в эфире», сквозь которые проступали обрывочные, призрачные и беззвучные сцены. Туннель... Подземные шахты, штольни... Эвакуация: они уходили, а он оставался совершенно один на оледеневшей планете.

Что его связывало с тем другим чужим миром, и что ему дало возможность бежать?

Бежавший сделал всего лишь то, что подсказывал ему его временный аватар, но не его вечный дух освобожденного! А для аватара единственным выходом было физическое бегство. Что он и предпринял: попытался каким-то образом проникнуть «на борт звездного корабля». Если только тот корабль существовал!.. Или все эти картины рисовало Нейлу его пылкое земное воображение. Корабль, готовый покинуть далекий отсюда мир, бесконечно далекий, в его земном восприятии.

И вот, по какому-то неслучайному стечению обстоятельств (а может, с чьей-то помощью) ему удалось в рекордно короткий срок войти в состав группы участников эксперимента. Место в экспедиции освободилось именно для него! Тот, на чье место он заступил, исчез... Исчез довольно таинственным образом, словно испарился «накануне вылета» – буквально за считанные часы до отбытия! Что с ним стало? (Бежавший не хотел думать худшее.)

Возможно, тот, о ком он так ничего и не узнал, просто нашел для себя какой-то лучший путь бегства. Рассуждая по-

человечески, Нейл считал, что исчезнувший вовремя смылся, не желая принимать участие в эксперименте, о котором что-то знал. Но с каких пор его воспоминания приобрели эту земную окраску?..

Так или иначе, исчезнувший без следа уступил ему свое место, когда он нуждался в этом особо остро! Но в какой-то момент его представление о произошедшем окончательно пошатнулось: с исчезнувшим что-то случилось... это не могло быть случайным совпадением! Кому-то это было нужно. Тому, кем всё это было организовано!

И таким образом воспоминание неизбежно приобретало дополнительную мрачную окраску. Однако больше этого память пока ничего ему не раскрыла.

Итак, беглец получил свое место в экспедиции перед самым ее отбытием. Наверное, поначалу он вообразил себе, что у них не оставалось достаточно времени для дополнительных проверок. В вербовочном агенстве искали кого-то с его профессиональными данными, когда им подвернулся он. И кто же ему помогал? Диона?... Несомненно! Кто еще?! Только она могла ему помочь. А для него это был единственный шанс. Никакого другого выбора у него не было!

Но Нейл еще не знал многого. Почему его необходимость покинуть тот мир стала вдруг настолько срочной? И с какой стати Диона стала бы помогать ему в этом? Из любви к нему?... Из любви готовая даже расстаться с ним навсегда?! Что между ними было там, в том другом мире? Опять – всего

лишь его земные романтические фантазии! Впрочем, «о расставании навечно» речи, кажется, не шло, просто ему следовало исчезнуть на какое-то время.

А Мети?!.. Где она в это время находилась? Была ли вместе с ним в том запредельно далеком мире? Разумеется, была! Не «сестра» (как он называл ее долгие годы), а его единственная... Предназначенная, которую он бросил одну на далекой планете! Предав ее, забыв о ней. Странная амнезия, уже тогда поразившая его! И когда он наконец опомнился бы и вспомнил, было бы уже поздно. Кажется, его история повторялась...

Бежавший покидал чужой мир, сташий крайне опасным для его физического аватара. И еще больше – для его духа. О чем, возможно, он даже не догадывался, настолько забывший себя настоящего! Всё решали считанные минуты, решения принимались им мгновенно: времени на размышления не было. Он был задержан в каком-то внутреннем коридоре, и вместе с остановившими его была она, Диона... Она сделала вид, что не знает его, и он тоже делал вид, что не знаком с ней. Но в самом деле не слишком ли много аналогий с земным?..

Видения промелькнули сквозь полуопущенные ресницы Нейла. Что за мгновенный «сон», уведший его так далеко?! А он стоял на тропе, и, перед тем, как вернулся в себя окончательно, одно его видение сменилось другим. Это была низинка с водопадом перед Охранным Барьером Сада. Светло-

волосые дети, два мальчика и девочка, прыгали легко, почти перелетали невесомо с камня на камень, над звонко журчавшим ручьем... И это журчание, и детские голоса отдавались легким призрачным эхом от скалистого амфитеатра, заплетенного корнями деревьев.

Нейл вышел из своей последней грезы, взглянул на свою названную сестру. Ее серо-каштановые глаза казались двумя мягко переливающимися кристаллами. А на ладони у нее виртуальный, сидерально сияющий бледным светом плод наполнялся живой материей, прямо у него на глазах. Она протянула ему лимон, Нейл машинально принял дар, повертел плодик в руке, невольно проверяя его на вес и нагретую солнцем гладко-бугристую кожуру, на ощупь. Вдохнул лимонный аромат. Он не ел ничего второй день, только пил энергетические нектары и при этом совершенно не испытывал голода. Но блуждавший в мирах должен был что-то есть! Хотя бы время от времени готовить себе какую-то еду. Боги, не бог, не мог же он в самом деле ничего не есть тысячи лет! Однако, в замутненных мирах едва ли нашлось бы достаточно чистых ингредиентов для приготовления энергетического напитка, который «бог» смог бы принять внутрь без вреда для себя...

7. Нетканая ткань времени

... Энергия его была на исходе и иссякала безудержно, как он ни пытался ее пополнить. Во временном мире и бог не всемогущ и не безупречен. Наверное, он иногда догадывался, что он не совсем такой, как все. Не мог не догадываться! И если он не ел почти ничего, то где брал энергию? Когда из него ушла бы последняя ее капля, он рисковал стать просто... «человеком».

«В лучшем случае, одним из липиков, земных писцов!» – подумал он. Где-нибудь там, где он их встречал: в зазеркалье, в лабиринте теневых миров, пронизывавших миры вещественные. Может, он в конце концов нашел бы в себе силы уйти навсегда с Земли через Световые Поля, о которых сейчас что-то знал! Но знал ли он об этом в то время? И уходя, потерял бы Мети, которая, следуя за ним, по его вине провалилась в «земную трясину». Потерял бы ее на целую вечность, равную одному дню Вселенной. А может, и навсегда! И если, оставшись без него, она не смогла бы освободиться от временного мира, тогда, истощив свою энергию, угасла бы и исчезла вместе с ним! Сухие зыбучие пески иллюзорных миров способны поглотить безвозвратно...

Думая о Мети, забывшись, Нейл смотрел в глаза другой молодой женщине. Она не отвела взгляд, человека в нем это

могло смутить. Он же думал про отвращавшие его взгляды, изучавшие, пытавшиеся, осознанно и неосознанно, вторгнуться, чтобы получить какую-то информацию. Хищный логический анализ! Но если глаза, по земному определению, зеркало души, то, чтобы отразить душу, разве они не должны быть обращены внутрь, а не наружу? Точно так же отвращали его и пустые глаза, объективы биологического аппарата с явным физиологическим сбоем.

– Липик в тяжелом мире становится человеком?

Нейл сразу же раскаялся в заданном вопросе. Он не хотел, чтоб она подумала, будто он думает о самом себе. Но снова совсем забыл, что она способна считывать его мысли.

– Иллюзорный мир, несомненно, способен разрушить сиддха, если тот не нашел в себе достаточно сил вовремя уйти! – сказала она и закончила грустно: – Наше земное тело зависит от нашей энергии, а для физического посещения мира низких вибраций необходимо временно возвратить часть космической энергии Мирозданию. Это неизбежно. Но долгое пребывание в излишне тяжелых мирах может оказаться и коррозией для духа! Да, я думаю, что в таком случае сиддх, утратив связь с особой энергией, рискует родиться заново в слабом теле, наравне с обитателями чужого мира! Хотя, возможно, он еще будет помнить о себе, как о не вполне принадлежащем этому временному миру...

(«И что еще хуже... – подумал он – воспоминание «о себе космическом» может начать притухать, превращаясь в подо-

бие сна! И тогда, оставшийся в мирах вынужден искать себе прибежище... Где? В снах, в зазеркалье!» Он должен был отыскать Мети, пока не поздно. Но как?)

А между тем они медленно шли рядом по тропе, и желая сменить тему разговора, Нейл предложил:

– Да, разумеется... Но сейчас расскажи мне лучше что-нибудь про амброзию. Некоторые люди, утверждавшие, что пробовали ее, сравнивали вкус с гидромелем. Впрочем, я сомневаюсь, что они действительно понимали, о чем говорят!

– И гидромель тоже, – заметила она, – по сути не что иное, как преобразованный на элементарном уровне напиток.

А может, это он сам ответил себе?.. Нейл поднял голову. Он спал на ходу?!.. Что за наваждение: он, один, приостановился на тропе, а Малива была уже далеко от него! Легкая, светлая тень в глубине зеленого коридора, полного золотистых солнечных бликов. Казалось, она вот-вот исчезнет, затеряется в бескрайнем Саду...

– Постой! – Нейл поспешил нагнать свою подругу. Так еще вчера утром он бежал по звонкому бору в попытке нагнать то и дело непонятно как отдалявшегося от него отца: Ольсмин будто летел, мелькая среди стволов сосен, далеко впереди него! А затем... Затем и сам Нейл постепенно начал... лететь! И еще ему припомнился другой бег: сегодня утром он, Нейл, с трудом пробирался через густой подлесок полный валежника, совершенно забыв, что совсем недавно был способен левитировать. Бежал по лесу, преследуя суще-

СТВО...

Нейл заставил себя возвратиться к прежнему разговору:

– И кто же учил людей готовить гидромель: собирать и использовать полезные травы? Боги? Или это был их собственный путь, полный проб и ошибок?

И подумал: «Жертвы всегда были, случилось, пациент погибал, а разгневанные родственники убивали незадачливого врача!»

Впрочем, и в продвинутых мирах дела обстояли не намного лучше. Нейл думал о хиральных лекарственных препаратах. Одинаковые по составу, разные по своей молекулярной ориентации. С меньшими побочными эффектами, но почти такие же несбалансированные. Иногда, вместо того, чтобы гармонизировать организм, они наносили ему непоправимый ущерб, опустошая его натуральные резервы. Целенаправленный синтез биоактивных веществ, кажется, еще не сделал людей «богами»! А он, Нэлл земной, – как он иногда в шутку себя называл, – помимо того, что имел знания в филологии, ботанике, геологии и психологии, возможно, трудился еще и в какой-то научной лаборатории?

Малива поджидала его, стоя на тропе, рассеянно играя с цветущей ветвью. И, может быть, давала ему время поразмыслить в одиночестве.

– Целители Пятого земного Уровня знают, что одни и те же травы способны превратиться из целебных в полную свою противоположность, – проговорила она, когда он приблизил-

ся. И говоря это, она перешла на тот мягко звучащий язык, который он хорошо знал, и всё же оставался способен оценить особенности его звучания со стороны.

Ну разумеется, не нужно быть «богом», чтобы понять, какой ущерб могут нанести опасные вещества! И приобрести знание о местах и времени сбора лекарственных трав, учитывая их возможную токсичность, не пренебрегая радиационным фоном, магнетизмом Земли, не говоря уже о простом загрязнении окружающей среды.

Случалось ли сиддхам вмешиваться? Что на самом деле более жестоко: не помочь умирающему, когда его собираются лечить снадобьем, заговоренным плясками и пением, или вмешаться и нарушить жизнь тех, кто к этой помощи еще не готов?!

– Мы не вмешиваемся в миры, – подтвердила Малива, чуть качнув головой. – И в тех редчайших случаях, когда мы это делаем... желательно сделать это незаметно: люди могут даже не догадываться об оказанной им помощи!

Ну правильно, а иначе у ворот Сада, пожалуй, выстроилась бы очередь страждущих! Больше он не успел ничего подумать, с чистого неба вдруг посыпался мелкий слепой дождь. Нейл запрокинул голову, подставляя лицо водяной пыли, шурясь в поисках облаков. До сих пор по голубому небу блуждало лишь одно белое облачко, слишком маленькое, чтобы ожидать от него дождя! Краем глаза он уловил движение Маливы, вскинувшей руки к небу, не то в попытке

поймать на ладони брызги, не то притягивавшей нити дождя. И прежде чем его удивление превратилось в уверенность, легкая тень, взявшаяся как из ниоткуда, заслонила солнечное сияние прямо над их головами (а чуть в стороне солнце по-прежнему продолжало светить), и на головы им пролился тонкий, шумящий каскадик воды. Деревья, кусты зашелетели вокруг. У Нейла был, наверное, дезориентированный вид, потому что Малива рассмеялась. А он был почти уверен, что ее руки, ее ладони, излучали некую энергию, спровоцировавшую перепад давления в теплом воздухе и притянувшую настоящий искусственный дождь!

Окаченные легким душем, Нейл и Малива стояли на тропе в сиянии водяной пыли; в то время как короткий дождик, опыливший растения, уже ступал дальше по Саду и звучно шумел, шевеля листья и наполняя Сад новыми шепотами, новыми голосами. Серая клубящаяся дымка, образовавшаяся над их головами, пролетела быстро и теперь смещалась всё дальше и дальше, проливая по пути каскадики. Может быть, притянутые руками других сиддхов, если они где-то были, эти другие сиддхи! А здесь, кроме него и Маливы, по-прежнему не было никого.

– Мы поливаем растения, нуждающиеся больше других в воде, – пояснила она. Они оба промокли с головы до ног, волосы их были влажными, а ткань их тонкой одежды, несмотря на все другие ее особенные качества, оказалась вполне промокаемой, хотя и сохла мгновенно, и солнце уже снова

сияло над их головами.

Нейл испытал на себе одежду сиддха сегодня утром в лесу. Она позволяла телу дышать и не перегреваться, не стесняла движения и защищала от холода, и к тому же обладала свойством самоочищения. Подобно некоторым земным растениям, использующим природный воск и легкий магнетизм воды, чтобы освободиться от пыли и грязи. А люди всегда обожествляли эти растения, как чудо возобновляющейся чистоты и символ непорочности! Нейл тронул себя за плечо, еще раз пытаясь оценить фактуру «нетканой ткани». Выдумывал он или нет, но волокна под его рукой, казалось, в самом деле перестраивались где-то на уровне микроструктур: словно сама его мысль, обгоняющая световую волну, оказывала влияние на эти самые микроструктуры! Он ухмыльнулся иронично, всего лишь чтоб показать себе лишний раз, что критичность из него еще не совсем исчезла.

Чистые капли дождя повисали и скатывались повсюду. «Не исключено, что в лесу прошел дождь, – предположил Нейл про себя. – И энергетический купол всего лишь фильтрует воду...» И почти видел и слышал внутри себя, как этот первый весенний дождь шумит над лесом, словно где-то в другом гипостасисе, где-то за пределами «бесконечного Сада». И еще видел, как купол приоткрывал свои поры, подобно устьицам зеленого листа, и дышал... Но это была всего лишь его фантазия. Возможно, речь шла о самой обычной конденсации: Сад, как огромная оранжерея, накапливал ис-

парения и проливал свои собственные чистые дожди.

Первый весенний дождь в лесу, после недавней зимней ночи, буквально промелькнувшей перед ними, когда они, заключенные внутрь плазменной сферы, неслись от берега Черного озера к Саду! Всё произошедшее сегодня утром уже походило на сон. Как и то, что случилось прошедшей ночью...

Но что из этого интересовало его сейчас больше всего? Инновативная ткань их одежды, искусственный дождь, пролившийся им на головы с чистого неба, или бесследно проскользнувшие мимо десятки дней и ночей? Канувших как в бездну, в то время как солнце сияло в зените и следовало своим самым обычным ходом! Сад выбирал для себя лишь некоторые из них, особенные, пролистывая остальные, как страницы в непрочитанной книге. А Нейл задал себе вопрос, что именно происходило с сиддхом, когда тот хотел ненадолго покинуть Сад. Как вне этого места менялось его личное время? И что он делал бы за его пределами?

И вообразил себя в одиночестве в ночном лесу, слушающим завораживающее уханье филина (которому не место в Райском саду!) и наблюдающим стремительные полеты под луной хищных летучих мышей. Он добрался бы через мшистые буреломы до облитого серебряным блеском ночного залива. Осенью послушал бы тоскливые, неприятные завывания ветра в вершинах деревьев. Вобрал бы в себя безмолвие и шорохи ледяной зимней ночи... грохот срывающихся снеж-

ных масс на самых дальних горных отрогах. И наконец, летом растворился бы в густой тьме, вибрирующих сонно трелях сверчков и коростеля...

Земля, кажется, стояла того, чтобы временами желать покинуть Райский сад!

А в нем всплыли другие воспоминания... Клекот ястреба высоко в летнем небе, холмистые осенние пустоши, покрытые ржавыми и седыми травами, золотыми папоротниками, стальными колючками, высокими метлами ярко-зеленой эфедры. Темно-зеленые вершины сосен в сизом грозовом небе, перерезанном вспышками молний и – шумный ливень... Что происходило, если сиддх желал удержать один из этих моментов, жить в одном из «отсеянных дней», а затем вернуться в Райский сад, как ни в чем не бывало, не заблудившись во времени? Нейл был утром в лесу и вернулся без проблем! Он мог бы возразить, что вернулся не сам, его сопровождали... Но продолжал рассуждать.

Возможно, течение внутреннего времени сиддха всегда каким-то образом связано с течением времени в Райском саду. И где бы этот сиддх ни находился, он живет «садовым временем». Как частица, связанная с организмом, которому она принадлежит, вне зависимости от разделяющего их расстояния. Живет в мире, где нет ни одного живого существа, равного ему по возрасту. При том, что он сам еще вполне молод!

И вот, однажды он принялся писать... Оказывается, он

был еще и писателем?! В каком-то смысле... Графоман, как минимум. (И еще гроссмейстер, как он это вспомнил вчера!) Нейл улыбнулся внутри себя. Сознательно или бессознательно он чертил задумчиво что-то странное на песке... Или нет... Сел, взял перо... Или ручку, или что-то другое, в соответствие с тем миром, в котором он тогда находился! И выдал на одном дыхании, на языке, который был в тот момент его языком: «Путешественник». О чем шла речь?

8. Астронавт древности, путешествие в зазеркалье

... На развалинах старых миров возникают развалины новых, а на развалины новых миров возвращаются развалины старых...

Подумав, что это может для него означать, он приписал: «Там не существует обычной логики, нет привычного порядка вещей. Бесконечное множество мест... Путешественник ищет что-то и почти всегда он один. Даже если время от времени встречает похожих на себя, он почти ни с кем не контактирует и расстается, едва встретившись. Каждый там сам по себе».

Да, это были очень странные места... Кому-то понадобилось в глухой пустоши – без единого живого существа, вне времени и пространства – создать строения, отягощенные чрезмерной, нереально расточительной для временного мира роскошью! А Путешественник здесь впервые и, возможно, никогда больше сюда не попадет. Это место затеряется безвозвратно в бездне, как затерялось всё то, что он видел до сих пор. Доступ сюда открыт не для каждого и чтоб иметь такую привилегию, нужно быть... Путешественником! Такие, как он, «на особом счету»!

Любопытство снова притягивает его. Он заходит внутрь строения, невзирая на голос, предупреждающий внутри: «Будь осторожен! Здесь что-то не так... Никакие руки никаких живых созданий не могли бы создать подобный дворец!» В абсолютной пустоте: посреди бескрайних пустынных долин, лесов, гор, болот...

Кажется, в этом мире Путешественник – единственный живой. Нет никого, лишь плавают под ногами в одиночестве «золотые рыбки», может быть, всего лишь тени рыбок, на залитом водой полу. А он пересекает огромный пустой зал вброд. Зачем он здесь?

Что ему известно об этих местах? Местонахождение их не обозначено на картах, и не существует никаких путеводных карт. И он ни в чем не уверен, сомневается во всем, даже в самом себе! Ориентиры утеряны, кто-то его преследует... Таких как он, путешественников!

Путешественники никогда никуда не возвращаются. Но, кажется, он уже бывал здесь! Там, где прежде океаны катили свои волны, теперь лежат лишь топи и болота. С развалин пустынного города низвергается водопад. Избыток золота в пустом, лишенном души, гнетущем храме. И он всё так же совершенно один.

И вспоминает... Потрескавшаяся пустыня в полукольце гор. Ветер, мощный, сбивает его с ног, пытается подхватить и нести его на своих крыльях куда-то.

Рано или поздно Путешественник открывает в себе спо-

собности. Он может оторваться и взлететь или просто замедлить свое падение над пропастью! Но он уже знал это где-то внутри себя и даже не сильно удивлен. В то время как эта внутренняя сила, до сих пор никогда не предававшая его, кажется, начинает постепенно ослабевать. И он уже не раз доходил почти до предела, снижался опасно именно в тот момент, когда ему нужно было взлететь! Неспособный подняться выше, переходил потоки почти вброд, касаясь поверхности воды ногами. И чтобы вернуть себе силу, каждый раз ему требовалось всё больше времени.

И вот, очередное тяжелое приземление... Он даже неловко пробует подпрыгнуть и под конец ему удастся слегка зависнуть, но потом снова медленно опускается, касаясь земли подошвами, словно пригвожденный к этой временной реальности. И когда он начинает наконец вспоминать о себе что-то, потеря сил уже значительная. А он всё бродит, бежит куда-то, продолжая участвовать в какой-то странной игре...

Засыпанные песками времени долины, зловещие побережья миров на закате... И странные комнаты, затерянные в непонятном «строении», где ничья рука давно ничего не касалась, где всё замерло в странной, неправдоподобной сохранности. Не он ли сам создатель всего, что видит?.. Включая тех, кого он встречает на пути! Но нет... Что за абсурдный вопрос! Всего лишь заглянул за внешние декорации проявленного мира и вообразил себя «богом»! За внешними декорациями присутствовало что-то невидимое, тяжелое,

иррадирующее... Мертвенные дворцы с мертвенными парками – странная инсценировка с целью привлечь и запутать, обмануть его, Путешественника. Будто раскинутая кем-то сеть ловушек! И есть глухие леса, где листва на деревьях не шевелится, нет ни птиц ни зверей – нереальная тишина. Всё вокруг беззвучно и неподвижно.

И с чего он решил, что это «Океан» затеял с ним игру?! Единый Вечный не играет ни в какие игры!

Еще что-то... Цепи слоящихся миров маленькой, затерянной в космосе планеты Земля... Темные, густые, вязкие миры. Некоторые всё более хаотичные, населенные странными равнодушными людьми. Они ютятся в полупустынных, полузаброшенных городах с нагромождениями давно забытого ими прошлого. Путешественник не имеет с ними ничего общего, избегает их... Не только равнодушные, иногда они могут быть даже опасны! Он «единственный неспящий»? Нет, есть еще немногие, случайно промелькнувшие у него на пути, путешественники или игроки, как он! Посетители миров редко объединяются: эти миры выкачивают из них силы и нужно торопиться. У них нет времени, или они им здесь не управляют! В безостановочном бегстве, недостойном «статуса путешественника», став почти обыкновенными игроками, они все ищут выход отсюда... Выходы!

И еще, последнее: «герметический эшелон»... Названный так только потому, что он идет без остановок. В поезде, молчание пассажиров, не глядящих друг на друга, тусклый мир,

мелькающий за окнами... Какой-то совсем мрачный мир, и все-таки это еще не предел перед Бездной!

... И так кончилось его импровизированное излияние. Очевидно, ему иногда требовалось выговориться, что-то вроде «терапевтического творчества»? Писатель, он ведь тоже «бог», в каком-то смысле. «Из класса младших богов!» – Нейл ухмыльнулся и встряхнул головой. Волосы его еще не высохли, да и прошел-то всего один миг!

Время растянулось внутри него. И теперь, подобно киноплёнке, оно прокручивалось в обратном направлении. О чем он думал прежде?.. О том, как сиддху покинуть свой Сад и не заблудиться во времени. Еще раз вспомнил, как утром бежал через лес, к карстовой долине с источниками, к Черному озеру, к Порталу. А время исказилось... И, не приди за ним отец, Нейл, возможно, вернулся бы в Сад, но в какое-то совсем другое время, запутавшись во временных извилинах!

И еще... Опасный сквозняк оставленных плохо прикрытыми им дверей... Если, будучи мальчишкой, провалившийся в Портал и легко отброшенный обратно, он лишь приоткрыл щелку «двери», то взрослый рисковал натворить гораздо больше бед! Что произошло бы, если бы всё разлагающая, поглощающая Бездна вдруг пожелала поглотить саму Вечность?.. Что-то вроде того, что на Земле называют «странными частицами»: свободные космические радикалы, пожирающие пространство. Хаос миров! Нейл рисковал спровоцировать какого-то рода хаос?!

– «Гомеостаз»? – переспросил он. Малива проговорила, как бы извиняясь, чуть улыбнувшись:

– Да, это слово сейчас вертится у тебя в голове!

Он снова думал вслух? Невольно перевел: «Механизмы, обеспечивающие равновесие внутренней среды, противодействуя изменениям во внешней». Ну да, примерно так... Но что он этим хотел сказать? Может быть, то, что сиддхи способны хранить в равновесии «свою маленькую вселенную внутри себя»? Своего рода гомеостаз. Вполне достаточно, чтобы не потерять ускользающий миг. Ведь, в конце концов, даже дети сиддхов были способны самостоятельно покинуть Сад ненадолго, не потерявшись во временном скачке!

Взрослым сиддхам следовало бы оберегать своих мудрых детей, научившихся раньше времени скрывать свои мысли и открывать Грани. Оберегать от них самих же! Если бы только взрослые знали о их намерениях! Не санкционированная никем вылазка в поисках странного места: Черного озера в лесу, далеко за пределами Сада. Перед Нейлом промелькнули блеклые кадры. Он один, на травяном бугре, посреди темной, сумрачной воды, словно засыпающий напротив кажущегося близким, зияющего мраком провала. Глухо звучащего, черного, бездонного... Портал! А Тарис, бродящий поодаль по берегу озера, словно ничего не замечающий, не видящий, не слышащий, будто за толстой стеклянной стеной от Нейла.

Но сейчас, продолжая идти рядом со своей подругой по

тропе в зеленой тени, в полосах солнечного света, Нейл задумался совсем о другом: «Уравновесить свое состояние в соответствии с окружающим миром... Что это могло означать для Оставшегося?..» Приближался Великий Холод, запретельный для любого живого земного существа. Нейл, Оставшийся, «древний астронавт», прибыл на некую затерянную в безумной, бездонной глуши Космоса пустынную планету. Очевидно и несомненно, еще не населенную никем древнюю Землю! Нейл думал: был ли тот способен уравновесить свое физическое состояние в соответствии с новыми условиями и защитить свой аватар от надвигавшейся на него угрозы со стороны временного мира? Оставшийся собирался просто заснуть. «Самоубийство?!..» Нет, конечно!

Похоже, что тот имел предчувствие того, что должно было случиться, еще на борту «звездного корабля» (если только подобный существовал). Конечно, он ни с кем не поделился этим своим видением: призрак страшного холода, всё жестче сковывавшего планету. Процесс, которому было бы положено растянуться очень надолго, вдруг внезапно, «необъяснимо», ускорял свое течение, настолько, что заставил бы их, Пришедших, оставить свои планы! Ну разумеется, это случилось не в самый день их прибытия. Какое-то время, пусть даже ничтожное, прошло, прежде чем всё началось, подобно обвалу, неожиданно хлынувшей лавине. «И что же повлияло на столь резкое изменение условий?.. Или, лучше сказать, кто мог на это повлиять?!» – спросил он себя достаточ-

но критично, остерегаясь строить через чур смелые предположения о собственных способностях манипулировать геологическими состояниями планет!

Перед глазами Нейла простиралась древнейшая Земля. Безлюдные земли суперконтинента и странные архипелаги прибрежных островов. Между кратонами стабильной коры – мутно коричневые внутренние моря, зеленоватые из-за присутствия цианобактерий. И величественный ржавый океан, окрашенный красноватым сланцем и, возможно, действием железо- и сульфидогенных бактерий. Абразионные, дельтовые, изрезанные заливами низкие берега и мелководный песчаный шельф. Кучи гниющих водорослей плавали на поверхности, образуя обширные поля гниения. Планета проходила неспешно очередной период восстановления: водоросли поглощали углекислый газ и снижали парниковый эффект, а солнечная активность менялась. Но ничто... ничто не предвещало такого внезапного поворота событий!

А пока они, Уходившие, занимались лихорадочной подготовкой к своей экстренной эвакуации, он готовился совсем к другому и внутренне собирался с силами. Никто, разумеется, не знал о его намерении остаться! Но были еще некие тени... присутствия, подобные свободным голограммам. Привнесенные в этот мир, не имевшие к нему никакого отношения, «подобия пришедших». Некоторые из них, успевшие впитать в себя – по чьей-то преступной халатности! – некую живительную искру, толпились вблизи ангаров. Пассивно,

внимательно наблюдали за уходящими и иногда, кажется, пристально следили и за ним тоже. Происходящее вызывало в них своего рода любопытство?.. Оставшийся отметил это про себя почти автоматически. Никто кроме него их не замечал. Он же должен был думать прежде всего о самом себе. «Незавершенным», как он их тогда называл, ничто не угрожало. В хаосе сборов никому другому, кроме него, даже вскользь не пришло бы в голову позаботиться о судьбе созданий. И уж конечно, их нельзя было поместить в контейнеры. Никто не принимал их в расчет, никому больше не было никакого дела до них.

И так Оставшийся заснул где-то в каменной пустоши на необитаемой еще планете! В последнее время Нейл часто думал про свою странную связь с ним: в этой своей жизни он сознательно или подсознательно повторил то, что прежде него сделал Оставшийся? Точно также похоронил себя в подобии летаргического сна в холодной пустоши, став на долгое время камнем в россыпи камней. Тот заснул и проснулся через миллионы лет, один в целом мире. Голый, заново рожденный, после миллионов лет невероятного сна! А Нейлу полагалось – по законам временного мира – расстаться с ним в своем новом рождении. Забыть. Но он помнил его! В детстве Нейл закрывал глаза (сейчас он знал, что сиддхи не спят, это всего лишь «медитация второго типа»), и тень без лица – но узнаваемая фигура – вставала рядом с ним. И таила... прежде чем он успевал удивиться. И теперь он вспом-

нил, что еще мальчишкой желал встретиться лицом к лицу с Оставшимся, так он его называл, чтоб задать тому разные... многие вопросы! И прежде всего главный вопрос: сиддхи, освобожденные, уходят и не возвращаются в прожитые миры, а он, Нейл, вернулся и родился снова на Земле. Почему?

9. Чужое счастье непреемлемо

... В дымном солнечном луче медная прядь волос Маливы бледно сверкала.

– Уравновесить свое физическое состояние с условиями какого-то мира или подпустить к себе чужой мир – это не всегда одно и то же, – заметила она, взглянув на него внимательно и одновременно чуть рассеянно. – Но мы обладаем свободой менять себя... В отличие от обитателей временных миров!

И как бы в подтверждение ее слов, ему в голову пришел один довольно забавный пример. В левой височной доле человеческого мозга находится некий механизм, защищающий аппарат разума от информационной перегрузки: «короткого замыкания и воспламенения». Нейронный посредник регулирует эмоциональные реакции на стресс. Но среди людей нашлись те, кто счел этот механизм лишь ограничителем человеческой гениальности, отключение которого значительно повысило бы потенциал мозга. Модифицировать организм! Без всякого для него вреда и без последствий?..

– Контакт человеческого существа с этим миром происходит на высокочастотной гамма-волне, – добавила Малива. – А это истощает раньше времени его жизненную энергию. Как учащенное биение изнашивает сердце!

И про «гамма-волны» она взяла у него из головы? Возможно, всё можно было бы выразить иначе, но пока Нейл рассуждал по-земному. Человек воспринимает на альфа-волне спокойную музыку, красивый пейзаж, а дельта-волна уже нарушает его связь с реальностью и погружает его в сон.

Теперь он что-то вспоминал. Давно, где-то, Мети говорила ему про неких сиддхов... Когда сиддх уходит в свое особое течение времени, для человека его как бы больше не существует! Частотный сдвиг... Он просто исчезает из человеческого восприятия, как исчезает изображение с экрана монитора! Откуда она это знала? Она утверждала, что сам Нейл рассказывал ей это в их встречу, неожиданно чем-то прерванную...

Тем временем Малива увлекала его по лабиринтам троп всё глубже в бесконечный Сад. Вокруг были лишь блики света, влага, тишина и сладкие запахи инжира... Магического инжира, «помогающего наблюдать внимательно и делать выводы». А они так и не встретили ни одного сиддха. Не было видно никаких признаков жилищ, только один раз Нейл различил крыло белого дома, почти полностью скрытого в зелени. «Дом-раковина», тропинка среди травы и цветов уводила к нему, и ветви, сплетавшиеся аркой над тропой, превращали ее в подобие зеленого коридора. Но они свернули на другую... Она постепенно сузилась, и женщина теперь шла впереди него, а Нейл – следом, каждый раз склоняясь под

низкой ветвью.

Возможно, вместо всех странных заданных вопросов он должен был сказать подруге совсем другие простые слова, важные для тех, кто не виделся столько лет! Как она жила все эти годы? И была ли какая-то цель у этой их прогулки? Пустынность странного Сада продолжала немало удивлять Нейла. И всё-таки, куда делись сиддхи?.. Казалось, он и Малива действительно остались вдвоем в огромном, бесконечном Саду! Наверное, обитатели его каким-то образом незаметно устранились с их пути, не потревожив их ни взглядом, ни мыслью. Однако он не заметил даже их теней, промелькнувших в зарослях. «Сад для привыкших грезить». Грезы?.. И предательски промелькнула прежняя мысль: еще совсем недавно он предполагал, что попал в роскошную клинику для страдающих «какого-то типа зависимостью»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.